

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

СЕСТРА



ЛУИЗА ДЖЕНСЕН

Annotation

Чарли – лучшая подруга Грейс, которой она может доверить любой секрет, поэтому ее внезапная гибель раскалывает жизнь Грейс на «до» и «после». Ей не дают покоя последние слова Чарли. За что она просила прощения? В чем хотела признаться?

В поисках ответов Грейс неожиданно выходит на Анну, утверждающую, что она – сестра Чарли. Очень скоро Анна завоевывает доверие и дружбу Грейс. И тогда начинается что-то странное. У Грейс пропадают вещи. Ее жених Дэн ведет себя все более подозрительно. И, самое ужасное, за ней явно кто-то следит...

Может быть, это всего лишь плод воображения Грейс, как уверяют ее Дэн и Анна. А может, кто-то из них ей лжет?

Чем ближе Грейс подбирается к правде о гибели Чарли, тем в большей опасности она оказывается...

Луиза Дженсен

Сестра

Роман

Посвящается горячо любимому Иену Хоули, которого мне так не хватает

Louise Jensen
The Sister

* * *

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency и Synopsis Literary Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Louise Jensen, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Настоящее

Выхожу из машины, ощущая биение сердца и тяжесть в ногах, застегиваю молнию на куртке и натягиваю кожаные перчатки. Потом вытаскиваю из багажника лопату и рюкзак: пора. В резиновых сапогах шлепаю по грязи в сторону пролома в живой изгороди. Он находился там всегда, сколько я себя помню. Содрогаясь, вхожу в лес. Здесь темнее, чем я думала, и, чтобы успокоиться, несколько раз глубоко вдыхаю насыщенный хвоей воздух. Борюсь с острым желанием уйти домой и вернуться утром, напоминая себе, зачем я здесь, и гоню себя вперед.

Освещая путь смартфоном, я шагаю с оглядкой на кроличьи норы, о которые могла бы споткнуться. Переступаю через поваленные стволы деревьев, через которые когда-то перепрыгивала. Мне двадцать пять, и я еще не так стара для бега, но у меня неудобная ноша, к тому же я не очень спешу к своей цели. Я и не думала, что мне придется делать это в одиночку.

Я останавливаюсь, прислоняю ручку лопаты к бедру и трясусь затекшей рукой, чтобы прекратилось покалывание в пальцах. В кустах что-то шуршит, и у меня возникает ощущение, что за мной следят. Сердце замирает, когда из кустов выскакивают два кролика и несутся прочь, увидев свет моего смартфона. «Все хорошо», – убеждаю я себя вслух, но голос кажется громким и гулким, напоминая о том, как я здесь одинока.

Лямки рюкзака врезаются в плечи, я поправляю их и снова иду вперед, наступая на хрупкие ветки. Я уже начинаю думать, что выбрала на развилке неверное направление, но тут наконец выхожу на поляну с расщепленным молнией деревом. У меня не было уверенности, что оно по-прежнему будет здесь, но, когда оглядываюсь, кажется, что ничего не изменилось – хотя конечно же изменилось все. Воспоминания о прошлом налетают с такой силой, что я с трудом перевожу дыхание, опускаясь на землю. Сырость от листьев и земли просачивается сквозь брючную ткань, а прошлое просачивается в настоящее.

– Поторопись, именинница, при таком темпе тебе успеет исполниться шестнадцать. Я замерзаю! – крикнула мне Чарли. Она забралась на калитку, ведущую на кукурузное поле, повсюду были разбросаны пластиковые пакеты, а ее светлые волосы сияли в лучах тусклого красновато-оранжевого солнца. Нетерпеливая Чарли томилась в ожидании, пока я медленно тащилась к ней, бережно держа коробку, в которой хранились наши мечты и надежды.

– Давай же, Грейс. – Она соскочила на землю, сгребла пакеты и устремилась в лес. Я поудобнее перехватила под мышкой коробку и постаралась не отставать, следуя за мельканием ее лиловой куртки и флюидами спрея-дезодоранта «Импульс», который она тайком брала из спальни своей матери.

Ветки колючего кустарника хватали нас за обтянутые джинсами ноги, цеплялись за волосы, но мы продолжали идти, пока не выбрались на поляну.

– У тебя лицо покраснело, теперь оно одного цвета с волосами, – засмеялась Чарли, когда я опустила коробку на землю и, упершись руками в колени, наклонилась, стараясь восстановить дыхание. Несмотря на прохладу раннего вечера, на висках у меня выступили бусинки пота. Чарли перевернула вверх дном пластиковые сумки. Еда, напитки, спички,

садовый совок и маленький подарок, завернутый в блестящую фиолетовую бумагу с наклеенным на нее стикером «Пятнадцать лет» – все рассыпалось по комковатой земле. Улыбнувшись, она вручила мне подарок. Я села, скрестив ноги, тщательно развернула упаковку, так чтобы не порвать бумагу, и медленно высвободила коробочку. Внутри лежала половинка золотого сердца на цепочке, на нем было выгравировано «ЛДН» («Лучшие друзья навсегда»). Я посмотрела на Чарли, и глаза защипало от слез. Она оттянула ворот толстовки, обнажая вторую половинку сердца. Я застегнула цепочку на шее, а Чарли начала копать яму. Я, как истинная девочка-скаут, разожгла костер. Когда солнце зайдет, станет еще холоднее, а вечера теперь наступали быстро. К тому времени, как яма была достаточно глубока, Чарли запыхалась, а под ее ногти забились грязь.

Я принесла коробку и опустила в яму. Мы провели целую субботу, выбирая то, что следует в нее положить, и оклеивая внешнюю сторону пластиковой емкости журнальными фотографиями супермоделей и поп-звезд, на которых мы хотели быть похожими.

– Невозможно быть слишком богатым или слишком худым, – сказала Чарли, подгребая землю и засыпая яму.

– Подожди! – крикнула я. – Хочу положить внутрь вот это. – Я помахала в воздухе упаковочной подарочной бумагой.

– Нельзя, мы ее уже запечатали.

– Я осторожно. – Я медленно отодрала скотч и откинула крышку. К моему удивлению, поверх кипы фотографий лежал розовый конверт, которого там определенно не было, когда мы наполняли коробку. Я бросила быстрый взгляд на Чарли, у нее был таинственный вид. – Что это, Чарли? – потянулась я к конверту.

Чарли схватила меня за руку:

– Не трогай.

Я вырвала руку.

– Что это? – переспросила я, потирая запястье.

Чарли отвела взгляд.

– Мы должны это прочесть, когда вернемся за коробкой.

– О чем там говорится?

Чарли выхватила у меня из руки упаковочную бумагу и с хрустом сунула в коробку, а потом захлопнула крышку. Когда Чарли не хотела о чем-то говорить, было бесполезно пытаться ее убедить. Я решила не настаивать. Не позволю, чтобы ее скрытность испортила мне день рождения.

– Выпьем?

Я взяла банку сидра и потянула за кольцо. Напиток зашипел, и пена выплеснулась из банки. Я вытерла руки о джинсы и сделала глоток. Он согрел желудок, унося недовольство прочь.

Чарли засыпала яму землей и заровняла совком поверхность, а потом села рядом со мной. Привалившись к стволу упавшего дерева, мы сидели перед потрескивающим костром, поджаривая на палочках маршмеллоу, и, только когда догорели последние красные угольки, до меня дошло, как сейчас поздно.

– Пора идти. Мне надо к десяти быть дома.

– Ладно. Пообещаем, что вернемся сюда и откроем коробку вместе? – Чарли выставила мизинец, я обхватила его своим мизинцем, и мы чокнулись банками и выпили за обещание, не ведая, что его будет невозможно выполнить.

Теперь я была одна.

– Чарли, – прошептала я. – Как жаль, что тебя нет со мной.

Подаренная ею половинка сердца, которую я ношу, не снимая, начинает крутиться всякий раз, как я наклоняюсь, словно ищет своего сотоварища, отчаянно желая вновь сделаться с ним единым целым. Я осторожно кладу на землю венки. Непреодолимая паника, терзающая меня четыре месяца со времени смерти Чарли, прорывается наружу, и я рывком ослабляю шарф на шее, чтобы стало легче дышать. *Правда ли, что я виновата? Неужели я всегда виновата?*

Несмотря на январский холод, мне жарко, и когда я стаскиваю перчатки, то слышу последние слова Чарли, эхом разносящиеся по лесу: *Я совершила нечто ужасное, Грейс. Надеюсь, ты сможешь меня простить.*

Что она совершила? Это не может быть хуже того, что сделала я, и я твердо намерена выяснить, что произошло. Я не смогу двигаться вперед, не узнав всю правду. Я понятия не имела, с чего начать, пока сегодня утром не получила на почте письмо в розовом конверте, вызвавшее в памяти другое письмо – то, которое Чарли не позволила мне прочесть, – письмо, спрятанное в нашей коробке. Быть может, в том письме содержится какой-то ключ? В любом случае, с чего-то надо начать. Расспросы ее знакомых ни к чему не привели, и к тому же я знала ее лучше, чем кто-либо другой. Ведь я была ее лучшей подругой.

Но можно ли вообще знать кого-то? По-настоящему кого-то знать?

Я опускаюсь на корточки и долго сижу неподвижно, а воздух вокруг холодеет. Ветви качаются и шелестят, словно деревья шепотом выдают мне свои секреты, побуждая раскопать секреты Чарли.

Я трясую головой, отгоняя мысли, и, натянув рукав на ладонь, вытираю мокрые щеки. Подхватив лопату отяжелевшими, словно чужими руками, я так крепко вцепляюсь в рукоятку, что запястьям становится больно. Глубоко вдохнув, начинаю копать.

Глава 2

Настоящее

– Миттенс? – зову я нашу кошку. – Я пришла. – Держа в руках коробку памяти, я протискиваюсь через коридор в гостиную, умудрившись не сшибить с серо-зеленых стен ни одного эстампа с морскими видами. – Вот ты где.

Серый пушистый комочек уютно устроился на табурете перед пианино. На этом инструменте папа учил меня играть, усаживая на кожаный табурет с тех самых пор, как я научилась сидеть без посторонней помощи. Мы с папой сидели бок о бок, его громадные, похожие на сосиски пальцы на удивление проворно брали аккорды, пока я подбирала мелодию. Больше я никогда не буду на нем играть. Слишком мучительны воспоминания о том времени, когда у меня была нормальная жизнь. Нормальная семья.

В гостиной мрачно, несмотря на падающий сквозь стеклянные двери свет. По потемневшему небу несутся грозовые облака. Я щелкаю выключателем. Зима в этом году была суровой, и я с трудом вызываю в памяти летние вечера, когда сиживала в саду с высоким бокалом крюшона, где позвякивали кубики льда, пока не начинал пылать закат, а по небесам цвета индиго – порхать летучие мыши.

Коллекционная тарелка, которую я берегу для особых случаев, балансирует на стопке мужских журналов, засохший яичный желток и кетчуп перекрывают цветочный рисунок. Солонка валяется на полу, белые крупинки соли холмиком высыпались на ковер. Сразу видно, что Дэн поел.

Я перешагиваю через скомканное банное полотенце к кофейному столику, отодвинув в сторону потрепанный экземпляр «Маленьких женщин». Этот роман я читаю вслух соседке, миссис Джонс, – несмотря на сильные очки, она больше не может разбирать мелкий шрифт. Я уже почти добралась до того места, где умирает Бет, и сколько бы раз ни читала его прежде, знаю, что все равно буду плакать. Когда я опускаю на столик коробку памяти, на кремовую столешницу падает засохшая грязь, и я смахиваю ее на пол. Поблекшие изображения певцов-однодневок и супермоделей, когда-то крепко приклеенные, теперь скорбно свисают ключьями с пластиковой коробки, половину из них я едва могу припомнить. Поддеваю ногтем край клейкой ленты, которая запечатывает крышку, и она легко отходит. Я отдираю ее, а потом прижимаю обратно, сильно надавливая большими пальцами. Кажется неправильным открывать коробку без Чарли, но у меня нет выбора, если хочу выяснить, что находится в розовом конверте, и я ее открываю. Но все равно чувствую себя неуютно, как будто вторгаюсь в чужое личное пространство.

В коттедже очень тихо. Ставлю грампластинку. Нина Симон бодра духом. Я рада, что хоть у кого-то из нас все в порядке. Дэн загружает музыку из Интернета, но я нахожу утешение в старомодных вещах, с которыми выросла, пускай даже мой дедушка более современен, чем я сейчас, с его акустической док-станцией и блюрей-плеером. Я плюхаюсь на коричневый кожаный диван, утопая в мягких разномастных подушках. Виниловая пластинка крутится и крутится, потрескивая и шипя, требуя внимания, прямо как мои воспоминания.

Не верится, что прошло семь лет с тех пор, как мы переехали в этот коттедж. Тогда мне было больше не о чем беспокоиться, моя жизнь наконец-то потекла так, как было задумано,

и я немного зациклилась на декоративных тканях и обивочных материалах. Дэн закатывал глаза всякий раз, как я приносила в дом новую диванную подушку. Он забирал ее у меня и кружил с ней в танце по гостиной.

Я напевала в такт, а он принимался щекотать меня, и мы валились на пол, стягивая друг с друга одежду, пока он не оказывался на мне, во мне и моя спина начинала гореть от трения о шершавый красный ковролин, который мы со временем заменили ворсистым ковром шоколадного цвета. Потом мы уютно устраивались на разноцветном покрывале, украшавшем спинку дивана, и ели гавайскую пиццу. Я предлагала Дэну заказать пиццу «Пепперони» – он никогда не понимал присутствия фруктов в острой пище, но знал, что я обожаю сочетание сладкого и соленого.

Сейчас кажется, что прошла вечность с тех пор, как мы так смеялись. Так любили. Горе развело нас, словно отталкивающиеся однополюсные магниты: как бы упорно мы ни старались дотянуться друг до друга, между нами существует пропасть, которую мы не в состоянии преодолеть.

Миттенс приподнимается, выгибая спину и выпрямляя ноги, напоминая мне, что я пропустила еще одно занятие по йоге. Ничто так не разъедает, как чувство вины, оно опустошает тебя изнутри. Мне ли не знать: меня постоянно терзают угрызения совести, мне бы следовало родиться католичкой. Миттенс спрыгивает с табурета, так грациозно, как умеют только кошки, и с мяуканьем «Покорми меня немедленно» трется головой о мои икры.

Я тащусь за ней в кухню. Здесь пахнет пережженным маслом, и раковина, которую я оставляла чистой и блестящей, теперь наполовину залита стоячей водой. Из нее, словно дорожный указатель, торчит ручка кастрюльки: помой меня. Я наклоняюсь над раковиной и приоткрываю раздвижное окно. Из сада за домом сквозит ледяной воздух; на завтра обещают снег. Я включаю чайник, подбираю половинки яичной скорлупы – остатки белка липкой слизью тянутся по деревянной поверхности кухонной стойки – и выбрасываю их в переполненный педальный бачок для мусора. Позже мне придется вынести мусор. Вытираю рабочую поверхность и споласкиваю чашку, снова досадуя на то, что Дэн берет новую всякий раз, как готовит себе какой-то напиток. У нас нет посудомоечной машины – если не считать меня, конечно. Я уверена, Дэн считает меня таковой. Наша кухня крохотная. «Компактная, но функциональная», как сказал бы Дэн, если бы наш дом был из числа тех, которые он продает. У нас почти нет места для шкафчиков, но зато есть чудесная кладовка, вмещающая все, что нам нужно.

Я сую руку в металлическую банку для хранения чая, чувствую холодный металл днища. Открываю дверцу холодильника, и лампочка освещает почти пустые полки. Что можно сделать из полбанки козьего сыра и высохшего красного перца? Дэн придет домой после футбола, ожидая, что его ждет обед. Вообще-то это несправедливо, он никогда не просит меня готовить – просто предполагается, что я буду это делать. Я это всегда и делаю. Отгоняю воспоминание о том времени, о котором мы больше не говорим. О времени, когда я с трудом управлялась с духовкой. Теперь я с ней управляюсь. На самом деле.

Я добавляю «чайные пакетики» в бесконечный список продуктов, прикрепленный на холодильнике магнитом с надписью «СТОП» и изображением свиньи. Дэн купил мне этот магнит в прошлом году, как он выразился, в качестве поддержки, когда я разуверилась еще в одной диете. Глянцевые журналы, которые я сосредоточенно изучаю, не помогают. На одной странице они сообщают, что у меня среднестатистический для британской женщины размер,

что женщина четырнадцатого размера не толстая, но при этом на следующей странице печатают фотографии изможденных моделей с выпирающими ключицами и ввалившимися щеками. Я держу магнит как постоянное напоминание, что мне надо сбросить десять фунтов. Мне никогда это не удастся.

Миттенс вьется у меня между ног, призывая поднять с пола ее пустую миску. В шкафчике остался один пакетик кошачьего корма. Я вытряхиваю его в миску и отмеряю кошачье печенье, а Миттенс тем временем нетерпеливо мяучит.

Наблюдаю, как самозабвенно она ест – так умеют только животные. Она была таким утешением для меня после смерти Чарли, ее молчание успокаивало больше, чем неуклюжие слова Дэна. Я не собиралась заводить домашнее животное, но три года назад кошка бабушкиной соседки принесла шестерых котят, а я пошла туда сделать несколько снимков, чтобы показать в детском саду, где я работаю. Котята были прелестные, и, когда самая маленькая кошечка взобралась мне на колени и там уснула, меня легко уговорили забрать ее домой. Я отнесла ее в свою подержанную «Фиесту». Она сидела на пассажирском сиденье в коробке из-под чипсов «Уолкерс», застеленной выцветшим розовым одеялом, и жмурилась на никогда прежде не виденное солнце. Я ехала домой медленнее, чем обычно, припарковалась в изрытом выбоинами переулке возле своего коттеджа и встряхнула мелко дрожавшими руками. Я так сильно сжимала руль, что ногти впились в ладони и оставили на них полукруглые следы. Помню, я неодобрительно покачала головой. Я ежедневно присматриваю за тридцатью шестью четырехлетками. Уж с котенком-то справлюсь.

Принеся ее в дом, я с любопытством смотрела, как она бесстрашно ступает мягкими лапками по своему новому жилищу. Как мне ее назвать? В детстве я обожала книги Беатрис Поттер. Папа читал мне ее истории по вечерам перед сном, придумывая каждому животному особый говор. Я очень любила слушать о проделках котенка Тома и его сестрах Моппет и Миттенс. Лапки у кошечки были светлее, чем остальная шубка. Имя Миттенс ^[1] показалось мне идеальным; к тому же оно напоминало о папе.

Когда мы впервые выпустили Миттенс погулять, ее чуть было не переехал мусоровоз. Она ужасно испугалась и больше ни за что не хотела выходить. Мы пытались выманить ее в сад, но она каждый раз так переживала, что ветеринар велел оставить кошку в покое, – она выйдет, когда будет готова, но этого так и не случилось.

Теперь я уже представить себе не могу, каким был бы наш коттедж без нее. Я наблюдаю, как кошка приканчивает свой обед и лакает воду проворным розовым язычком, а потом, крадучись, выходит из кухни.

Чайник булькает, пускает пар и выключается, а я следую за Миттенс в гостиную. Мы сидим бок о бок на диване, уставившись на коробку. Я спрашиваю себя, помнит ли она, как тоже в коробке приехала домой.

– Не беспокойся, в ней нет никого живого, – заверяю я ее. Но это ложь. Мои воспоминания живы, и их труднее удержать в коробке, чем непоседливого котенка.

Я грызу ноготь большого пальца, мечтая о том, что Чарли вот-вот выскочит и закричит: «Сюрприз! Ты ведь не думала всерьез, что я тебя покину?» Одиночество захлестывает меня. Последнее время глаза у меня постоянно на мокром месте, и я не чувствую в себе достаточно сил, чтобы встретиться лицом к лицу с припрятанными воспоминаниями. Боюсь, что если начну вспоминать, то не смогу остановиться, а есть вещи, о которых мне не хочется думать. Не только сейчас, но и вообще никогда.

В коттедже беспорядок, пожалуй, стоит убратся. Уборка всегда действует на меня

успокаивающе – прекрасная возможность выкинуть из головы ненужные мысли. Я оставляю коробку в покое и иду на кухню. Засучив рукава, выпускаю в мойку струйку посудомоечного средства, открываю горячий кран. Пока вода прибывает и пузырится, вытираю жир с конфорки. Когда раковина наполняется, я погружаю руки в воду и тут же выдергиваю их, переводя кран на холодную воду, чтобы успокоить обожженную кожу.

Банка крема для рук на подоконнике пуста. Я уверена, что Дэн берет мои туалетные принадлежности, хотя он всегда это отрицает. Я направляюсь вверх, во вторую спальню, где держу запасные лосьоны. Когда мы впервые осматривали коттедж, то знали, что пригласим Чарли переехать к нам, и я по-прежнему думаю об этой комнате как о ее спальне, хотя ей так и не пришлось ее увидеть.

Я нахожу лосьон для рук и втираю его в саднящую кожу. Запах лаванды успокаивает, он напоминает мне о маленьких пакетиках, которые в детстве делала моя бабушка, когда меня всякий раз, как я закрывала глаза, мучили ночные кошмары. Она клала мешочки с лавандой в ящик с моими пижамами, а также мне под подушку. Аромат мягко провожал меня в сон и охранял всю ночь. С тех пор прошло много времени, и пораженные артритом бабушкины пальцы уже не могут шить, но спокойствие до сих пор ассоциируется у меня с лавандой.

В кармане вибрирует телефон, и я беру его скользкими пальцами, зажимаю между плечом и ухом и вытираю руки о фартук.

– Привет, Дэн. Вы выиграли?

– Да, три-два. Взяли реванш в последнюю минуту.

– Ты, наверное, рад. Сто лет уже не выигрывали.

– Спасибо за напоминание...

– Я не имела в виду... – Я замолкаю. Притворяюсь, что мы нормальная пара, и тщательно выбираю слова. – Это блестящая новость. Я куплю бифштекс и вино, чтобы отпраздновать.

– Мы уже празднуем в баре. Приходи.

– Не могу.

– Тебе надо когда-то снова начинать жить. Почему бы не сегодня? Все здесь.

Не все. Я думаю о покоящейся на столе коробке – о частичке Чарли: как я могу выйти и оставить ее?

– У меня дела.

– Прекрасно. – Я почти слышу неприязнь в его голосе, и на долю секунды мне хочется оказаться в клубе вместе с ним, попить теплый сидр и смеяться над шутками, слишком грубыми, чтобы их повторить. – Не жди меня, ложись спать.

И он дает отбой, прежде чем я успеваю ответить, что не буду его ждать и лягу одна. Я всегда так делаю.

Передо мной простирается вечер, долгий и тихий, и хотя я еще не поела, голода не чувствую. В кухне открываю бутылку вина. А это ведь не просто выпить чашку чая, говорю я себе. Мне всегда немного чудно пить в одиночестве.

В гостиной уныло, и я включаю настольные лампы, уменьшая резкий верхний свет. Абрикосовое свечение создает теплоту, и я сижу на диване, подогнув ноги и положив руку на спящую Миттенс.

– Сегодня мы с тобой вдвоем, – говорю я ей, глядя на коробку, и знаю, что это неправда. Чарли тоже здесь.

Довольно скоро я опустошаю первый бокал шардоне, ледяная жидкость оседает среди

порхающих в животе бабочек. Я выпиваю еще полбокала, и лишь тогда дрожащими пальцами открываю коробку. Сверху лежит лист блестящей лиловой упаковочной бумаги, я помню, что письмо под ней. Подношу розовый конверт к носу и глубоко вдыхаю, надеясь уловить запах Чарли. Но конверт пахнет сыростью и землей. Комок в горле, который я беспрестанно проглатываю, нарастает снова. Сколько еще близких людей мне предстоит потерять? Порой, когда слышу в замке ключ Дэна, челюсти сжимаются и я подготавливаю себя к очередной ссоре, но мысль о том, чтобы остаться одной, страшит меня. К тому же случившееся не развело нас, стало быть, оно наверняка сделало нас сильнее?

Я сжимаю в руке мобильный телефон. Просматриваю список недавних звонков. Дэн находится под номером шесть. Я нажимаю кнопку вызова. Вспыхивает наше фото – то, где мы одеты как Супермен и Чудо-женщина, на вечеринке у Лин. Она скорее моя подруга, чем начальник, и, глядя на фото, я всегда улыбаюсь.

– Просто хочу сказать, что я тебя люблю, – говорю я.

– Я знаю. – Голос его звучит отрывисто.

– Пожалуйста, будь осторожен, не ездь пьяным.

– Что? Я тебя плохо слышу.

– Я говорю, пожалуйста, будь ос...

– Грейс, сигнал очень слабый, ты пропадаешь. погоди, я сейчас...

Связь обрывается. Я нажимаю повтор, и механический голос предлагает мне оставить сообщение. Разочарованная, я швыряю телефон на диван и наклоняюсь, чтобы распаковать коробку.

Мириады воспоминаний проносятся в мозгу, пока я листаю маленький фотоальбом. Вот мы с Чарли позируем на пляже, гордые, в наших первых бикини, демонстрирующих плоские груди; вот мы на школьной дискотеке, наши руки сверкают серебряным блеском. Есть несколько фотографий, где Чарли, Дэн и я смеемся в саду знойным летним днем, поливая друг друга из шланга, и одна, где Чарли улыбается в камеру, а Дэн с обожанием смотрит на нее. Вот фото, где я, Чарли и Дэн в последний день семестра со смехом подбрасываем школьные галстуки, которые больше никогда не наденем. Какими свободными мы себя чувствовали. Еще одна фотография, на сей раз групповая: я, Эсме, Чарли и Шиван. Наша маленькая четверка. Как близки мы были. Кто бы мог подумать, что мы перессоримся, как это получилось?

Я вынимаю из пластикового кармашка последнее фото. Чарли стоит в саду моих бабушки и дедушки с растрепанными на ветру белесыми волосами, в оранжевой «вареной» футболке и крохотных белых джинсовых шортах. Ей стоило такого труда утащить эти джинсы из платяного шкафа своей матери, а затем отрезать от них штанины, затупив при этом парикмахерские ножницы моей бабушки.

Я вынимаю из стоящей на пианино серебряной рамки фотографию, где мы с Дэном болтаем ключами от коттеджа и потрясаем бутылкой шампанского, – и вставляю на ее место Чарли.

Звонит мобильник. Я бросаюсь к нему, надеясь, что это Дэн, но это какой-то незнакомый номер. В голову мгновенно приходит мысль: Дэн попал в аварию, мне звонят из больницы, – я покрываюсь испариной. Нажимаю кнопку, и в трубке кто-то дышит.

– Алло? – говорю я. Затем громче: – Алло? *Алло?*

Но никто не отвечает. В конце концов в трубке слышится длинный низкий гудок. Это уже в третий раз за сегодняшний день, и я выключаю телефон.

По телу прокатывается волна усталости. Алкоголь и душевное волнение на пару побуждают глаза закрыться, я тру их, стараясь развеять прошлое. Беру фотографию и конверт с собой в кровать и прислоняю к настольной лампе. Фотографии вызвали так много эмоций, что я боюсь их растерять, если открою сегодня письмо Чарли. Я выталкиваю из серебристого тюбика таблетку снотворного, кладу ее на язык и запиваю теплой водой. Проваливаюсь в прерывистый сон, испещренный образами Чарли и моего отца.

– Это твоя вина, Грейс, – говорит во сне папа. – Я бы до сих пор был здесь, если бы не ты.

– Открой конверт, Грейс, – шепчет моему подсознанию Чарли. – Не подводи меня.

Я просыпаюсь утром на скомканных простынях и влажной подушке. Дэн домой не приходил.

Глава 3

Прошное

Мало-помалу мир перестал кружиться, и я осознала, что теплые и крепкие дедушкины руки растирают мне спину маленькими круговыми движениями.

– Дыши медленно, Грейс, – посоветовал он, потому что я пыхтела, как паровоз. Я резко вдохнула и закашлялась от ледяного ветра. Слезы струились по замерзшим щекам, пока я вдыхала и выдыхала на счет пять, как меня учили, пока не почувствовала себя достаточно спокойной, чтобы выпрямиться и расслабить руки, вцепившиеся в железные перила. Я держалась за них так крепко, что чешуйки темно-зеленой краски пристали к перчаткам. Я хлопала в ладоши, отряхивая чешуйки краски на тротуар, одновременно обзревая чудовищную конструкцию передо мной.

– Не заставляй меня туда входить.

– Знаю, переезд дался тебе нелегко.

Это было слабо сказано. Дело было не только в людях, которых я оставила, в моей желтой спальне или в школе, по которой я скучала. Ощущение дома создавалось звуками. Звук разбивающихся волн, под который я просыпалась каждое утро; скрипом третьей ступеньки всякий раз, как кто-то на нее ступал; хриплыми криками чаек, когда я шла в школу; хрустом прибрежной гальки, по которой я бежала домой, наполняя легкие соленым воздухом.

Я всегда любила навещать дедушку и бабушку во время школьных каникул. Наблюдать, как причудливая оксфордширская деревня разрастается год от года по мере того, как на ее окраинах прибавляются дома из красного кирпича. Построены второй паб, кофейня, кооперативный дом. «Все удобства современные», – говорила бабушка, но все равно это не ощущалось как дом. Звучало по-другому. Никогда больше не свернусь я калачиком под одеялом, слушая, как ветер и дождь объявляют войну утесам, и глядя, как мигающий свет маяка сочится сквозь шторы.

– Ты скоро заведешь себе друзей, – сказал дедушка, неисправимый оптимист.

– Не заведу, если они узнают, что я сделала.

– Перестань себя винить. Никто ничего не узнает, если ты им не расскажешь. – Дедушка поправил на мне шляпку. – Тебе надо ходить в школу, Грейс. – Он улыбнулся, но в отличие от обычной его улыбки вокруг глаз не образовались морщинки, и я кивнула, чувствуя вину за то, что так разволновалась на ровном месте. Мне исполнилось девять, я должна вести себя в соответствии с возрастом. Будь тут бабушка, она бы провела меня прямо в здание.

– Пошли. – Он протянул мне морщинистую руку, испещренную возрастными пятнами. – Войдем внутрь.

Я обхватила его пальцы, и мы не спеша прошли через пустынную игровую площадку. Я только что закончила читать «Путешествия Гулливера», и когда остановилась у подножия бетонной лестницы и уставилась на громадное красное здание, то почувствовала себя лилипуткой. Здание казалось в миллион раз больше, чем моя старая начальная школа.

У дедушки был такой вид, как будто он собирался что-то сказать, но вместо этого покачал головой и мягко потянул меня за руку, пока я нехотя не последовала за ним в тропическое тепло моей новой школы.

Внутри за конторкой сидела неулыбчивая секретарша. Над ней на стене было написано желтой краской: «УЧЕБНОЕ СООБЩЕСТВО „ГРИНФИЛДС“ ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС!»

– Грейс Мэтьюз. – Дедушка похлопал меня по плечу. – Это ее первый день.

Секретарша жестом указала нам на оранжево-розовые кресла, которые когда-то могли быть красными, и я с благодарностью уселась на мягкие сиденья. Ноги не доставали до пола. Я с глухим стуком поставила новую пластмассовую коробку для завтрака на деревянный стол, на котором было вырезано: «*Мисс Маркхем в хорошей форме*».

– Наверное, мисс Маркхем учительница физкультуры, – задумчиво проговорил дедушка.

Теребя рукой распушившиеся кончики ниток на обтрепанном сиденье, я огляделась. Никакие рисунки или поделки не украшали обшарпанные стены. В углу стояла заброшенная рождественская елка с почти голыми ветвями, лишь посередине ее опоясывала слишком короткая и безвкусная световая гирлянда. Мне совсем не хотелось снова праздновать Рождество. Несколько недель назад я бы чувствовала себя так же, как любой другой девятилетний ребенок, а теперь у меня был собственный психотерапевт по имени Пола. Я ненавидела ежедневные сеансы психотерапии, разговоры о моих чувствах – как будто они могли что-то изменить. Сейчас же я пожалела, что не нахожусь в кабинете у Пола, насыщенно-голубые стены которого вызывали у меня ощущение, будто я тону. Мне хотелось быть где угодно, только не здесь.

Цитрусовый запах моющих средств раздражал, от него сводило желудок, меня охватила страстная тоска по старой школе: запаху кедров и плакатной краски, старым друзьям, играм в классики и салочки. Я откинула голову на спинку и закрыла глаза. Было пугающе тихо. Нам велели подождать, пока меня не оформят, чтобы снизить психологическую нагрузку, но, на мой взгляд, так было даже хуже. Мне предстояло войти в класс уже после начала урока. Я стала глубоко дышать – так, как учила меня Пола, и постаралась перенестись в какое-то приятное место. Я вообразила себя в спальне, моей настоящей спальне, той, которую я, вероятно, уже никогда не увижу. Постепенно кулаки разжались, и, должно быть, я задремала, потому что меня пробудило цоканье высоких каблучков. На какую-то секунду я всерьез поверила, что все как обычно. Я дома, и мама готовит ужин для папы.

– Это миссис Битон, – сказал дедушка. – Я был у нее, когда тебя записывал.

– Здравствуй, Грейс, как приятно с тобой познакомиться. – Директриса стояла передо мной с сострадательной улыбкой. В последнее время я таких улыбок перевидала множество. Я молча смотрела на нее, вытянув губы в прямую линию.

– Не угодно ли пройти со мной, мистер Робертс? Нужно заполнить кое-какие бумаги. Грейс, мы ненадолго.

Они склонились над конторкой секретарши, почти соприкасаясь головами, и тихо о чем-то заговорили, время от времени бросая в мою сторону обеспокоенные взгляды.

– Увидимся позже, детка. – Когда некоторое время спустя дедушка помахал мне на прощание, голос его был слишком громким, а улыбка – слишком широкой. Я проводила его взглядом до двери. Его шаги отдавались громким эхом, стуча в унисон с моим сердцем.

Я засеменила за миссис Битон через лабиринт одинаковых коридоров, замедляя шаг всякий раз, как мы проходили мимо окна, стремясь мельком увидеть дедушку. Он шел, склонив голову под ветром, сунув руки в карманы вельветовых брюк. Мои нарядные новые туфли скрипели по линолеуму, и я уже чувствовала, как на пятках образуются волдыри.

– Вот мы и пришли. – Миссис Битон толкнула дверь класса. Все лица обратились к нам, и я никогда не ощущала себя такой маленькой, как в тот момент.

– Грейс, это мисс Стайлз.

Мисс Стайлз поправила очки. На ней были брюки, и она была моложе моей предыдущей учительницы, которая всегда носила платье. Я молила о том, чтобы она не попросила меня представиться.

– Сзади есть свободное место, Грейс.

Опьяневшая от облегчения, я бросилась к пустому стулу быстрее, чем следовало бы в моих еще не разношенных туфлях. Почувствовав, что поскользнулась, я выставила вперед руки, чтобы смягчить падение. Коробка для завтрака загремела по полу, а я растянулась рядом с ней, готовая провалиться сквозь землю.

Ни на кого не глядя, я одернула юбку, чтобы сохранить остатки достоинства, и кое-как собрала с пола свой завтрак. Ложка для йогурта пропала, но меня это не заботило. Крышка новой коробки для завтрака перекосилась, потому что одна петля сломалась, но я затолкала все обратно и прижала коробку к груди. Мне было больно стоять, болела лодыжка, и я сдерживала жгучие слезы.

– Кажется, это твое?

Какой-то мальчишка, наклонив свой стул, протягивал мне клочок бумаги.

Я покачала головой и, прихрамывая, побрела вперед.

– Не забывай, как сильно мы тебя любим, Грейси.

Я застыла – слова, которые могли быть любовно написаны не кем иным, как дедушкой, с издевкой зачитывались вслух.

Я выхватила у него бумажку, а класс захихикал.

Мальчишка ткнул в мою сторону пальцем:

– Смотрите, лицо у рыжей такое же красное, как ее волосы!

– Довольно, Дэниел Гибсон. – Благодарная мисс Стайлз за вмешательство, я захромала к своему месту, уставившись в пол, как будто он мог превратиться в дорогу, вымощенную желтым кирпичом, и привести меня к Волшебнику. Нет места лучше дома.

Парты были на двоих. Я не испытала признательности к своей соседке по парте, когда она подвинула учебник на середину, чтобы я могла им воспользоваться. С враждебностью я могла справиться, доброта же вызывала у меня слезы. В последнее время я достаточно наплакалась.

Я попыталась успокоиться, представив, что я на пляже, но это вызвало мысли о доме, и мне захотелось положить лоб на парту и завывать от несправедливости всего происходящего. Казалось, прошли часы, прежде чем зазвонил звонок на ланч.

Ученики, толпясь, заспешили к двери, и мисс Стайлз протолкнулась к задней части класса.

– Шарлотта, – обратилась она к сидевшей рядом со мной девочке, которая засовывала вещи в розовый рюкзак. – Не могла бы ты показать Грейс, где мы едим?

– Хорошо, – сказала Шарлотта. – Откуда ты? – спросила она, пока мы кружили по лабиринту коридоров. Она была высокой. Мне приходилось почти бежать, чтобы поспевать за ней. В лодыжке пульсировала боль, но я не жаловалась, благодарная за то, что не одна. – Почему ты так поздно приступила к занятиям?

Я ожидала этого вопроса, но ложь, которую я отрабатывала перед зеркалом своей спальни, похоже, застряла у меня в горле. Шарлотта остановилась, и я проглотила комок в горле, думая, что она ждет моего ответа, но потом сообразила, что мы уже находимся в столовой. Помещение вызывало в памяти клип о тюрьме, который я однажды видела по

телевизору: ряды пластиковых серых столов и оранжевых стульев. Ланч только начался, но на паркетном полу уже валялись чипсы и корки. Меня уколола острая тоска по старой школе, где мы ели ланч в нашей классной комнате, обмениваясь печеньем и меняя йогурты на кексы.

– Ну вот, это столовая. «Не „Ритц“», как сказала бы моя мама, но сама понимаешь...

Я кивнула, хотя понятия не имела, что она имеет в виду.

Шарлотта помахала двум девочкам, сидевшим на корточках в углу.

– Это Эсме и Шиван, я тебя потом познакомлю. Обычно я сижу с ними, но не сегодня.

Пошли.

Я суетливо заспешила за Шарлоттой, стараясь не упустить то, что она говорит.

– Если хочешь, можем пойти ко мне домой после уроков, ага? Я могу сделать тебе прическу и навести макияж. Моя мама певица, и у нее уйма крутых штучек. Она редко бывает дома, так что ничего не узнает.

Я не могла. За мной должен был прийти дедушка, к тому же бабушку хватит удар, если я заявлюсь с макияжем.

– Может быть, – ответила я, не желая вести себя, как маленькая.

– Давай сядем здесь. – Шарлотта с грохотом опустила свои вещи рядом с мальчишкой, который унижал меня на уроке. Я помедлила в нерешительности, потом сказала себе, что это лучше, чем сидеть одной, но все равно почувствовала, что щеки разгораются.

– Садись. – Шарлотта внимательно смотрела на меня. Ее блестящие зеленые глаза напоминали мне нашу старую кошку Бесси, и что-то подсказывало, что ей можно доверять.

Горло у меня словно перекрывалось всякий раз, когда я волновалась, но я все равно села и распаковала свой ланч. Если бы у меня ложка не потерялась, я могла бы проглотить немного йогурта. К тому же это был абрикосовый йогурт, мой любимый. Я бросила сердитый взгляд на Дэниела, затем проткнула соломинкой упаковку яблочного сока и стала пить маленькими глотками. Шарлотта встряхнула бутылку бананового молока.

– Не мог бы ты принести мне соломинку? – Она одарила Дэниела ослепительной улыбкой.

– Угу. – Он покраснел, со скрипом отодвинул свой стул и двинулся через зал с важным видом, говорящим: «Я слишком крут для школы».

– Постой на стреме. – Шарлотта схватила недоеденный сэндвич Дэниела и сняла с него верхний кусок хлеба. Потом выхватила из подставки с приправами бутылку кетчупа, брызнула им на клубничный джем и снова закрыла его куском хлеба.

Дэниел вернулся, взял свой бутерброд и откусил большой кусок. Я замерла. Он начал жевать, а потом выплюнул все и стал тереть рот рукавом.

– О, посмотрите! – указала на него Шарлотта. – У него лицо такое же красное, как и его сэндвич.

– Кто это сделал? – Дэниел вскочил и стоял, сжимая кулаки.

– Я. Будешь знать, как издеваться над Грейс в ее первый день.

– Ты чертова стерва, Шарлотта Фишер. – Дэниел смахнул свой ланч в рюкзак, сверкая на меня глазами, и я вздрогнула. – Я до тебя доберусь. – И он ринулся к выходу.

– Скатертью дорожка! – крикнула Шарлотта.

– Не могу поверить, Шарлотта, что ты это сделала, – сказала я.

– Зови меня Чарли, а не Шарлотта, если мы будем с тобой тусоваться. Хочешь?

Рот у меня слишком пересох, чтобы есть, но я взяла кусок сыра и ломтик луковых чипсов и положила на язык.

— Так почему ты сюда переехала, Грейс?

И ломтик чипсов стал тяжелым и жестким у меня во рту. Я попыталась его проглотить, но горло замкнулось.

Глава 4

Настоящее

Прошлой ночью мне потребовалась целая вечность, чтобы заснуть. Фотоальбом пробудил так много воспоминаний, что меня замутило от тоски, а ум отказывался успокоиться. Снотворные таблетки действуют на меня не так эффективно, как когда-то. Я решаю пойти в понедельник к врачу, притвориться, что потеряла последний рецепт. Таким образом я смогу получить еще некоторое количество и удвоить дозу.

Когда я в прошлый раз проверяла время – обезумевшая от беспокойства о том, что Дэна до сих пор нет дома, – было два часа ночи, и я думала, что ни за что не усну, но сейчас, когда смотрю на часы, на них седьмой час, так что, очевидно, я заснула. Я так быстро вскакиваю с кровати, что кружится голова. Сую ноги в тапочки и сдергиваю халат с крючка на двери. Есть шанс, говорю я себе, что Дэн прокрался и свалился на диване, чтобы меня не будить, но, когда я вбегаю в гостиную и щелкаю выключателем, там только Миттенс, моргающая от внезапно включившегося света.

Я отдергиваю занавески. В висках стучит, пока я бог знает в какой раз набираю номер Дэна, и в мозгу проносятся ужасные картины: Дэн в дорожной канаве, машина перевернута, колеса все еще вращаются; Дэн ограблен и оставлен умирать в темном переулке; Дэн с переломанными костями истекает кровью на обочине.

В окно почти ничего не видно, кроме садика перед домом. По-прежнему по-зимнему темно, и в воздухе висит густой туман, он словно тянет ко мне свои пальцы, оставляя переулок невидимым. Только когда мы переехали сюда, я оценила, каким могуществом обладает погода: то ты ее видишь, то нет. Я дрожу, хотя мне не холодно, и плотнее запахиваю халат. В кармане у меня пачка мятных пастилок, и я отправляю одну в рот. Лекарство, на котором я сижу, оставляет во рту неприятный привкус, и он, похоже, держится весь день, сколько бы раз я ни чистила зубы и сколько бы мятных пастилок ни съедала.

Я снова проверяю часы, как будто могу каким-то образом заставить время двигаться быстрее. Еще нет семи, слишком рано для настоящей паники, но все равно это не мешает мне думать о худшем – так уж я устроена. Пола говорила, что это проистекает от страха потери, Дэн говорит, что это проистекает от моей тревожности. Я, как тигр в клетке, хожу взад-вперед перед окном гостиной, приминая тапочками ворсистый ковер, сжавшись от напряжения, точно пружина.

Когда у нас с Дэном все начало рушиться? Моя жизнь будто расколота на две части: до смерти Чарли и после. Мне кажется, что до этого мы были счастливы, но трудно как следует припомнить. Иногда у меня возникает ощущение, что я слишком далеко его оттолкнула и будет невозможно притянуть обратно. Я панически боюсь его потерять, но в то же время не могу подавить дикое раздражение, которое он вызывает. Я говорю себе: неважно, что он везде мусорит, что не выполняет обещаний, – почти подначиваю, почти хочу, чтобы он иногда давал мне отпор.

Ветер завывает, ударяет в калитку, и я вздрагиваю. Щеколда не выдерживает, и калитка распахивается настежь, а потом опять с грохотом захлопывается. Я столько раз просила Дэна починить задвижку. Я слышу шум машины и напрягаю зрение, чтобы ее разглядеть. Свет фар, словно кошачьи глаза, пронзает туман в конце переулка, и я жду, пока машина по-настоящему

проявится. Вероятно, это Дэн. Наш переулок ведет только к полям. Когда мы покупали коттедж, я представляла себе пасущихся овец и лошадей, заглядывающих к нам через калитку с пятью перекладинами, но земля в поле пахотная. Здесь выращивают пшеницу, и всякий раз, когда ем хлебцы «Витабикс», я испытываю странную гордость, будто сама вырастила это зерно.

Из тумана появляется машина. Она слишком маленькая, чтобы быть машиной Дэна, и едва движется. Уж не заблудился ли водитель? Здесь, в переулке, только два коттеджа: наш и миссис Джонс. У нее нет машины, и гости приезжают к ней только на Рождество и в день рождения; к тому же кто станет наносить визиты в столь ранний час? Сейчас еще даже толком не рассвело.

Машина подползает ближе и ближе, пока не останавливается у самого коттеджа, но из-за тумана невозможно разглядеть, что делается внутри. Мотор тарахтит, и фары освещают нашу яблоню, но из машины никто не выходит. Секунды бегут, и мне интересно, что делает водитель. *За кем он наблюдает?* Эти слова вызывают озноб. Уже не первый раз у меня такое чувство, что за мной следят, и я говорю себе, что это нелепо. Кто станет за мной следить? Но, несмотря на это, не могу оторвать взгляд от машины. В последний раз, когда я попросила повторить рецепт, врач спросил, не вызывает ли снотворное каких-нибудь побочных эффектов. Я сказала нет, но чувство беспокойства закралось в меня; вот и сейчас по коже бегают мурашки, мысли путаются, и мне трудно сосредоточиться. Мне действительно следует перестать его принимать. Я стала нервной и подозрительной и едва себя узнаю.

Это всего лишь машина.

Показывается вторая пара огней, и в поле зрения с пыхтением появляется древний «Лендровер» Дэна. Я стремглав бегу к дивану, небрежно раскидываюсь на нем и все еще дрожащей рукой подхватываю книгу. Буду спокойна. Дэн шаркающей походкой входит в комнату, швыряет куртку на диван рядом с моими ногами и бросает на меня взгляд налитых кровью глаз. Выглядит он ужасно. Во мне борются ярость и радость: ярость побеждает.

— Где ты был, черт возьми? Кто с тобой?

— Со мной? — Дэн смотрит на меня через плечо.

— Другая машина.

— Другая машина?

— Так и будешь за мной повторять? Почему ты не позвонил?

— Я потерял телефон.

— Где?

— Если бы я знал, он бы не был потерян, — огрызается он.

— Не смей...

Он выставляет вперед руки с растопыренными пальцами.

— Извини, мне следовало позвонить тебе с телефона Гарри, но я уснул у него на диване.

Меня словно пронзает кинжалом, когда я представляю себе Дэна, Гарри и Хлою, девушку Гарри, свернувшимися клубочком перед дровяным камином с ящиком «Будвайзера» и мисками кукурузных чипсов и сальсы. Пока не умерла Чарли, мы все вместе так расслаблялись субботним вечером.

— Я беспокоилась.

— Ты всегда беспокоишься. Я собираюсь привести себя в порядок и отрубиться на пару часов.

Избегая моего взгляда, Дэн широким шагом выходит из комнаты и топает вверх по лестнице. Через секунду я слышу скрип двери ванной и бульканье в трубах – это он включает воду.

Я спрашиваю себя, спустится ли он ко мне после душа. Может, предложит посидеть, ласково прижавшись друг к другу. Я спрашиваю себя, почему сама не решаюсь это предложить. Вскоре открывается и закрывается дверь спальни. Скрипят пружины кровати.

В ванной вздымается и висит пар, а меня окутывает облако неуверенности. Я открываю маленькое окошко и подбираю с пола полотенце Дэна. Шагнув в стеклянный кубик душевой кабины, включаю душ и дрожу в ожидании, пока вода нагреется. Закрыв глаза, вспоминаю, как раньше мы оба сюда втискивались. Мои ладони вжимались в мокрые плитки. Его руки лежали у меня на бедрах. Потом он намыливал шампунем мои волосы, а я прижималась спиной к его телу. Действительно ли он всю ночь провел у Гарри? Я моюсь лавандовым гелем для душа: знакомый аромат, утешение из детства, рассеивает страхи, пока я, один за другим, не смываю их в сливное отверстие. У меня нет причин считать, что Дэн мне солгал. Горе исказило мою рассудительность. Я не способна объективно оценивать реальность. Пола всегда поощряла меня рассуждать рационально, а не поддаваться страху. «Ум способен создавать многочисленные возможные сценарии от одной мысли, и большая их часть будет ложной», – говорила она. Я слишком устала, чтобы как следует над этим подумать.

Выхожу из-под душа, подальше от своих мыслей, и снова натягиваю пижаму. Оставляю Дэна наверстывать то, что он недоспал. Я боюсь того, что могла бы сказать, если останусь, боюсь того, что могла бы услышать, и лишь когда спускаюсь на первый этаж, мне приходит в голову поинтересоваться, по-прежнему ли та машина стоит за калиткой. Но ее там нет.

В сарае очень холодно, мое дыхание образует облачка. Я включаю обогреватель и натягиваю серые перчатки без пальцев. Телефонный столик, который я отшлифовала песком, покоится на листах газеты, готовый к покраске. Он предназначен ко дню рождения миссис Джонс. Она всегда восхищается моим столиком. Я погружаю кисть в фисташковую краску и провожу по неотделанной древесине полосу. Дэн не может понять моей увлеченности старой мебелью, но я обожаю находить старой вещи новое применение, мне приятно сохранить маленький кусочек истории. Я всегда задаюсь вопросами о прежних владельцах: какова была их жизнь, были ли они счастливы? Движение кисти успокаивает меня, и к тому времени, как я заканчиваю, напряжение ослабляет хватку на моих плечах, а мои страхи надежно засунуты туда, где их не видно. Мой телефон пищит, и я провожу пальцем по экрану. Это дедушка подтверждает, что ланч будет в час. Не то чтобы я могла забыть, – мы почти всегда ходим к ним обедать по воскресеньям, но с тех пор, как бабушка в прошлом году купила ему мобильный телефон на семидесятый день рождения, дед постоянно шлет мне эсэмэски. Я отбиваю ответ, гораздо более оптимистичный, чем мое настроение, и сую телефон в карман. Пожалуй, мне лучше разбудить Дэна.

Подливка густая и однородная. Я наливаю ее в белый фарфоровый соусник, вытираю пальцем капли, струйками стекающие по бокам. Дедушка нарезает ростбиф, а бабушка тем временем накладывает красочные, дымящиеся овощи в сервировочные миски. Мой рот наполняется слюной от запаха йоркширских пудингов. Я проголодалась. Я пропустила завтрак, беспокойство притупило чувство голода. **«НЕ ПИТЬ АЛКОГОЛЬ»** написано на моем пузырьке со снотворными таблетками, но ведь это просто шаблонное

предостережение, не так ли? А такие предостережения мы все игнорируем. Я подцепляю мясо на вилку, отправляю в рот, и от соуса из хрена начинает хлюпать нос. Бабушка протягивает мне бумажный носовой платок и продолжает рассказывать нам о «милом молодом человеке», который пришел наладить их новый компьютер, и о том, как она каждый день сидит в «Гугле».

Мои плечи трясутся от подавленного смеха, и я пытаюсь поймать взгляд Дэна. Склонившись над столом, он ковыряется в тарелке и не поднимает головы, когда я начинаю убирать со стола. Я отношу грязные тарелки в кухню и ставлю стопку посуды возле мойки. Я часто пыталась убедить бабушку и дедушку купить посудомоечную машину. Они могут себе это позволить и имеют для этого достаточно пространства. Они всегда говорят, что обдумают этот вопрос, но я считаю, им нравится процесс мытья посуды вручную: они стоят бок о бок, бабушка моет, дедушка вытирает. Глядя в окно над мойкой, они обсуждают, какие крупные выросли кабачки, распознают птиц в кормушке.

Дедушкин голос доносится из-за стены, низкий и сиплый. Если не знать, можно подумать, что он курит. Дэн смеется, и мне требуется целая секунда, чтобы идентифицировать этот звук, я так давно его не слышала. Мы выросли вместе, и порой я спрашиваю себя, естественно ли это, что мы отделились друг от друга, случилось ли бы это в любом случае и, может, обстоятельства не виноваты.

Бабушка помещивает домашний заварной крем для яблочного пирога, который подогревается в духовке. Я встаю на цыпочки и снимаю с буфета розовый кувшин с изображением пасущихся коров. Споласкиваю его водой под краном.

– Грейси, я на днях получила электронное письмо от моей подруги Джоан. Оно ждет тебя на холодильнике.

– Ты его распечатала?

– Да. Она прислала рецепт, который я хотела перенаправить тебе.

Я открываю рот, чтобы объяснить, что на самом деле означает «перенаправить», и снова его закрываю. На данный момент довольно, что она справляется с задачей составления электронного послания, пусть даже пишет каждый раз в строке темы «ЭТО ОТ БАБУШКИ», а затем звонит мне, чтобы удостовериться, что я его получила.

Это рецепт ризотто с мускатной тыквой, звучит вкусно. Испробую его к чаю на следующей неделе, хотя мне придется приготовить бифштекс для Дэна, а не то он станет приподнимать вилкой овощи и спрашивать, где прячется мясо.

– И еще я видела Лекси.

Я застываю при упоминании матери Чарли.

– Опять пьяная, еле стояла на ногах.

Лекси всегда любила выпить, еще когда Чарли была жива, но окончательно съехала с катушек с тех пор, как ее дочь умерла. Бабушка выключает газовую конфорку и поворачивается ко мне лицом.

– Не знаю, стоит ли тебе говорить, Грейс. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы ты расстраивалась из-за этой женщины. – Бабушка никогда не была особенно высокого мнения о Лекси.

– Расскажи, в чем дело.

– Она хочет тебя видеть.

Пульс резко подскакивает при мысли о том, чтобы увидеться с матерью моей лучшей подруги. Я не видела ее с момента похорон Чарли. Похорон, которые мне пришлось покинуть

после того, как Лекси сказала, что никогда не простит мне смерти своей дочери.

То, что случилось перед смертью Чарли, не было моей виной. Как и виной Чарли. Как это могло быть нашей виной? «Тогда почему Чарли сбежала?» – шепчет голос у меня в голове. Я его игнорирую, но он не желает смолкать.

Бабушка перекладывает крем в кувшин и вручает его мне, чтобы я отнесла в столовую. Он плещется на ходу, горячая жидкость попадает мне на руку, но я едва замечая. Бабушка идет за мной следом с яблочным пирогом, о котором я теперь не могу думать. Сажу за столом, зажав в руке ложку. Жужжание окружающих меня голосов становится все более и более отдаленным, пока голоса не делаются совсем неразборчивыми. Я улыбаюсь и киваю в подходящие, по моему мнению, моменты, а тем временем в мозгу крутится и крутится одна и та же мысль: чего от меня хочет Лекси?

Глава 5

Прошлое

Я переминалась с ноги на ногу, потирая озябшие плечи, и вглядывалась в конец дороги в ожидании Чарли. Она должна была прийти на чай. Когда бабушка предложила пригласить домой кого-то из моих друзей в конце первой школьной недели, я тщательно обдумала этот вопрос. Эсме была очаровательна, Шиван более сдержанна, но все равно мила, даже Дэн после самого первого дня относился ко мне неплохо, но только между Чарли и мной уже возникла сильная связь. Никто прежде не вставал на мою защиту – вероятно, просто не было такой необходимости.

– Ты напустишь холоду, – проворчала из прихожей бабушка.

Я закрыла входную дверь, но осталась стоять на ступеньке, вставая на цыпочки всякий раз, как слышала шум автомобиля. Через двадцать минут появилась Чарли.

Я ввела ее в прихожую.

– Мы поднимемся наверх, в мою комнату.

– Но только не в обуви, юная леди, ты знаешь правила, – стремительно возникла в прихожей бабушка, вытирая о фартук испачканные мукой руки.

У меня мурашки пробежали по голове от смущения, когда Чарли скинула линялые кроссовки. Бабушка подхватила их и поставила на полку для обуви, пощелкав языком, когда заметила, что мыски почти протерлись. Мы с Чарли вихрем устремились вверх по лестнице и плюхнулись на мою кровать.

– Что ты хочешь делать?

Я все еще толком не распаковалась. В углу моей комнаты стояли коробки с играми и книжками. Чарли подошла к ним, взяла игру «Мышеловка» и встряхнула коробку. Внутри загремело содержимое.

– Вот. – Она передала игру мне, и я открыла крышку. Игра была не самой любимой – некоторые ее этапы были довольно замысловатыми. – Как получилось, что ты живешь с бабушкой и дедушкой?

Я ожидала этого вопроса, но все равно почувствовала себя не подготовленной к нему.

– Мои родители не могут присматривать за мной. Какого цвета мышку берешь? – Я выставила раскрытую ладонь.

Чарли выбрала зеленую и пристально посмотрела на меня:

– Почему не могут?

– Они умерли. – Ложь застряла у меня в горле, и я подхватила розовый пластмассовый стаканчик с витаминным концентратом, который бабушка поставила ко мне в комнату, и залпом проглотила содержимое, словно стремясь смыть свои слова, и поморщила нос от приторной сладости.

– Умерли? – Чарли нахмурилась.

– Да.

– Как они умерли?

– Пожалуй, возьму синюю. – Я бросила остальных мышей обратно в коробку. – У тебя есть братья или сестры?

– Нет, – ответила Чарли. – Мы живем вдвоем с мамой. Мне порой бывало так одиноко,

что я завела себе воображаемую подругу.

– Правда?

– Да, ее звали Белль. Она подстрекала меня на всякие плохие поступки, и мама выходила из себя и орала, а Белль смеялась, когда мне попадало. Однажды мне на Рождество подарили Барби, и Белль заставила меня отрезать ей волосы и намазать лицо лаком для ногтей. Хотя с такой подругой бывало и весело.

– Ты назвала ее Белль в честь героини сказки «Красавица и чудовище»?

– Наверное. Впрочем, я из нее уже выросла, как выросла из Диснея.

– Я тоже. – Я надеялась, Чарли не станет открывать коробку с моими видеофильмами.

До недавнего времени я была просто одержима принцессами. Хотя уже тоже выросла из них, после того что случилось с моими родителями. Всякий бы вырос.

– Тебе повезло, что у тебя есть бабушка и дедушка.

– Знаю. А у тебя разве нет?

– Не-а. Мама говорит, нам больше никто не нужен. Только я и она против остального гадкого мира. Но теперь мы с тобой вместе, не так ли? Мы же похожи, у нас нет отцов. Мы будем лучшими подругами.

Чарли потянулась к своей куртке и вытащила «Кит-кат». Открыла упаковку и, сделав зарубку на фольге большим пальцем, разломил пополам и протянула мне половину. Я с благодарностью ее приняла.

– Давай играть в «Мышеловку» – с тобой будет гораздо веселее, чем с Белль, пусть даже мне не гарантирован выигрыш. – Чарли с широкой улыбкой встряхнула игральный кубик. – И улыбайся! Ты, я, Шиван и Эсме, мы будем в школе как маленькая семья. Я об этом позабочусь.

Мы увлеклись игрой. Когда Чарли должна была ходить, в дверь постучала бабушка. Мука с ее рук осыпалась на ковер. Она растерла ее носком тапочки.

– Тебя к телефону, Грейс.

– Не жульничай, Чарли. Я вернусь через минуту.

Внизу бабушка скрылась в кухне. Я подняла телефонную трубку и стала наматывать телефонный шнур на палец, слушая тишину на другом конце провода. Я молчала. Я уже знала, кто это, и мне было нечего сказать.

– Грейс? Грейс? – послышался издали мамин голос, и я с шумом положила трубку на рычаг.

– Так быстро? – удивилась бабушка, когда я затопала наверх.

– Нас прервали! – крикнула я.

Я опять уселась за игру, и Чарли вручила мне игральный кубик.

– Кто тебе звонил?

– Никто, – ответила я, скрещая пальцы. – Там никого не было.

Глава 6

Настоящее

Всю ночь я лежу без сна, раздумывая над тем, почему Лекси сказала бабушке, что хочет меня видеть. Возможно, она хочет извиниться за свое поведение на похоронах Чарли, или, скорее всего, она хочет меня убить. Голова гудит, как пчелиный рой, деятельный и шумный, и к тому времени, как встает солнце, окрашивая небо огненно-красным, я уже выпила три чашки чаю, так и не решив, стоит ли с ней встречаться.

Я знаю, что Лекси перестала петь в местном пабе и теперь редко появляется на людях, разве что в супермаркете – толкая тележку, в которой больше алкоголя, чем еды. Дэн считает ее ненормальной – он так считал еще до ее выходки на похоронах. Бабушка проявляет больше сочувствия.

– Ей не следовало так с тобой разговаривать, – сказала она. – Но люди скорбят по-разному.

Я прихожу на работу совершенно вымотанная, с опухшими глазами.

– Доброе утро, Грейс. – Моя начальница Лин всегда жизнерадостна. – Готова к натиску? – Лин отпирает входную дверь и держит ее открытой, приветствуя всех родителей и малышей по имени.

Дети наводняют раздевалку, волочась за усталыми мамашами, которые топают сапогами и трясут зонтами. Капли воды на полу собираются в лужицы. Я беру себе на заметку, что надо протереть пол, а то кто-нибудь может поскользнуться. Эмили бросается ко мне и обвивает ручками мои колени. Иметь любимчиков не положено, и я действительно люблю всех детей, но у меня особая связь с Эмили. Я расстегиваю молнию на ее плаще и стягиваю его с плеч, под ним розовая кофточка с картинкой из мультсериала «Даша-путешественница».

– Доброе утро, Сара, – говорю я. Мама Эмили выглядит бледной, под глазами темные круги. – Как дела?

– Устала. Малышка кричала всю ночь. – Она качает коляску. Я бросаю взгляд на спящего младенца, растянувшегося, как морская звезда, со сжатыми в кулачки ручками. – Так или иначе, я борюсь с бессонницей, с тех пор как...

Мы встречаемся с ней взглядами поверх головы Эмили, и я знаю, что она хотела сказать «с тех пор как Грег ушел». Несколько недель назад Сара предупредила нас, что Эмили может вести себя беспокойно, сучая по отцу. Сара вышвырнула мужа, застав его в постели с секретаршей, – до этого я никогда всерьез не верила, что подобное действительно случается в жизни.

– Пойду вздремну немного, – продолжает Сара, – пока дочка спит. – Она целует Эмили в светловолосую макушку и шагает к двери, одной рукой толкая коляску, а другой натягивая капюшон.

Я провожу счастливое утро за столом детского творчества, наблюдая, как дети создают сверкающие шедевры, полностью погруженные в свое занятие.

– Смотри, Грейс. – Эмили придвигает ко мне лист бумаги, на котором изображены две фигурки. Синяя краска капает на мои черные брюки.

– Как красиво, Эмили. Это вы с Лили?

– Да.

– Наверно, здорово иметь сестру?

– Нет. Она все время плачет. Мама говорит, когда она подрастет, то будет более тересной.

Я смеюсь над ее неправильным произношением.

– Уверена, она будет очень интересной. – Я прикрепляю мокрую бумагу к натянутой над столом веревке для просушки. – Маме твоя картинка очень понравится. К тому времени, как ты пойдешь домой, она высохнет.

Эмили стрелой мчится к уголку с карнавальными костюмами, а я разглядываю изображение двух маленьких девочек. В детстве мне всегда хотелось иметь сестру, делить с ней радости и печали, а потом я познакомилась с Чарли и думала, что мы с ней всегда будем вместе. Станем старенькими и седыми, будем вместе ходить с палочками, болтать вздор на парковой скамейке, сравнивать хвори и болячки. Посмеиваться над старыми добрыми временами.

– О чем задумалась? – Лин легонько касается моей руки.

– Да так, ни о чем.

– Я уверена... – Она умолкает, прерванная звонком в дверь. Звон не прекращается: то ли кто-то нажал кнопку домофона и не отпускает, то ли домофон сломался.

– Не выпускай детей отсюда, – наставляет Лин Ханну, и я следую за ней в коридор, прикрывая за собой дверь комнаты для игр.

Увидев нас, папа Эмили отпускает кнопку и начинает стучать по двери ладонями. По его багровому лицу стекают струи дождя.

– Откройте. Мне. Дверь.

Лин нажимает кнопку переговорного устройства и спокойно отвечает:

– Что вам нужно, Грег? – И только потому, что я хорошо знаю ее, улавливаю в голосе легкую дрожь.

– Эмили.

– Вам надо пойти домой и успокоиться. Я не могу впустить вас в таком виде.

– Откройте чертову дверь. – Он принимается колотить в дверь ногами. На стекле появляются грязные отпечатки подошв, и рама дребезжит. Но пока держится.

– Вы напугаете детей. Если вы не уйдете, я вызову полицию.

– Я имею право увидеть свою дочь, сука. Вы все суки поганые.

Я раздумываю, сколько времени понадобится полиции, чтобы приехать. В соседней комнате тишина. Я представляю себе лица детей, бледные и встревоженные, маленькие ручки, затыкающие уши. Гнев заглушает мой страх. Как он смеет? Отцы должны быть защитниками. Давно забытые чувства воспламеняются во мне, пока я проскакиваю через комнату персонала и через дверь черного хода выскальзываю на улицу. Ветер бросает ледяной дождь в лицо, и у меня перехватывает дыхание. Сгорбившись и опустив голову, я огибаю здание и подхожу к парадной двери.

– Грег.

Он резко оборачивается. На лбу у него пульсирует жилка.

– Где моя дочь, черт подери?

– Я ее не привела. – Ледяная вода струйками стекает за шиворот, и футболка прилипает к спине.

Грег бросается вперед, занося кулак. Я вздрагиваю, ощущая слабость и дрожь в ногах. Думаю об Эмили, как она высовывает кончик розового язычка между зубами, когда

сосредотачивается на рисовании.

– Если не позволите мне ее увидеть, Грейс, клянусь, вы пожалеете. – Он крепко стискивает зубы.

– Вы действительно хотите, чтобы она увидела вас в таком виде? – Мой голос звучит сдержанно, противореча страху.

Его рука застывает в воздухе, а наши взгляды встречаются. Рокошет отдаленный гром. Ноги у Грега подгибаются, и он падает на колени, лицо его красно от дождя и раскаяния. Дрожащими руками он прикрывает глаза.

– Я скучаю по ней. Скучаю по ним обоим, так сильно. – Он опускает лоб к земле, словно обращаясь к Богу, который его не слушает.

Я касаюсь его плеча, не зная точно, то ли пытаюсь успокоить Грега, то ли придать уверенности себе.

Он поднимает голову и смотрит на меня налитыми кровью глазами.

– Не могу справиться с болью, которую причинил.

Но он может. Нам всем приходится справляться с последствиями наших поступков, не важно, насколько они тяжки. Я знаю это лучше кого бы то ни было.

– Пожалуйста. Позвольте мне ее увидеть, Грейс.

– Не могу.

– Тогда я заставлю вас пережить то же, что переживаю сейчас сам. Как вам это понравится?

Лин становится в очередь за напитками, а я захватываю столик у окна. Разматываю шарф и скидываю пальто. На мне спортивный костюм Ханны. Моя вымокшая детсадовская форма лежит скомканная в багажнике машины. Я откидываюсь на спинку кресла-бочонка и соскальзываю по сиденью из кожзаменителя. Мимо окна суетливо спешат толпы людей, и мне интересно, куда они идут: домой, забрать детей, а может, на встречу с возлюбленными? Ноги шлепают по мокрому тротуару, дрожащие тела упакованы в застегнутые на молнии пальто и куртки, шарфы намотаны плотнее обычного. Прогноз погоды пока не предсказывал снега, но январский воздух кусается.

Через дорогу, под фонарем, стоит одинокая фигура: черное пальто с теплой подстежкой, поднятый капюшон, лица не видно. Человек смотрит прямо в окно кафе. На меня? Я с неудовольствием поеживаюсь в кресле и отворачиваюсь, но, когда снова смотрю в ту сторону, фигура по-прежнему там стоит. По-прежнему неподвижно. По спине у меня начинают бегать мурашки, как в воскресенье, когда неизвестная машина остановилась возле моего коттеджа.

– Вот. – Лин со стуком ставит на стол кружки с дымящимся шоколадом. По стенкам кружек стекают сливки, и она облизывает пальцы.

– Видишь ту фигуру через дорогу?

– Где? – Лин без очков и потому щурится.

– Там. – Я встаю и прижимаю ладони к окну. Лоб тоже касается стекла, и оно туманится под моим дыханием. Я поворачиваю к ней голову: – Видишь?

Лин надевает очки и становится рядом со мной. Наморщив лоб, она вглядывается в темную улицу.

– На кого смотреть, Грейс?

Я снова поворачиваю голову к окну, но фигура исчезла, и я спрашиваю себя, была ли она

там вообще.

– Не важно. Видимо, это Грег выбил меня из колеи. Спасибо за шоколад. – Я сажусь и придвигаю к себе кружку, едва слушая Лин, которая подробно пересказывает какую-то путаницу с заказом. Мой взгляд снова притягивается к улице за окном. Той фигуры там определенно больше нет, и я ругаю себя за паранойю. После смерти Чарли мои чувства обострились. Удивительно, как многогранно горе: слезы и печаль, замешательство и гнев. Я открываю пакет с мини-кексами, вытаскиваю один и откусываю кусочек. Эйфория от «быстрых углеводов» начинает восстанавливать энергию, которую выпил из меня сегодняшний день.

– Что за день! – Лин выковыривает из кекса шоколадные крошки и отправляет их на язык.

– По крайней мере Эмили не пострадала.

Я отыскала в книге номеров экстренной связи телефон сестры Грега, и та пришла его забрать. Несмотря на дикую выходку, я не считала, что его стоило арестовать. Я знаю, каково это, когда чувство вины сидит в тебе и ест изнутри. Тупая боль, которая никогда полностью не уходит. Грег – человек, такой же несовершенный и раскисающийся, как все мы. А кто не совершает ошибок, не так ли? Только некоторые ошибки труднее простить.

– Как ты думаешь, Сара примет его обратно? – спрашивает Лин.

Я пожимаю плечами и, собрав ложкой сливки, отправляю их в рот, наслаждаясь бархатистой сладостью, пока они растворяются на языке.

– Как же хорошо посидеть, – говорит Лин. – Я так много танцевала на совершеннолетию племянницы Стива в субботу, что натерла волдыри. Жаль, тебя не было.

– Я знаю. Просто...

– Слишком скоро после Чарли. – Лин хлопывает меня по руке, достает новый кекс и откидывается в кресле.

Прошло уже больше пяти месяцев, и я стараюсь перестроить свою жизнь. Иногда мимолетно чувствую что-то близкое к нормальному состоянию, но я еще не готова танцевать, как бы я ни ценила старания Лин куда-то меня вытащить. Я пытаюсь впустить людей обратно в мою жизнь, благодарная, что они до сих пор здесь. Я обособилась после похорон Чарли – просто не могла вырвать себя из постели. И только на мой двадцать пятый день рождения, когда бабушка и дедушка стояли у моей кровати с фальшивыми улыбками и подарками в ярких обертках, я по-настоящему заметила тревогу на их лицах. С того дня я начала по частям собирать себя. Я говорю себе, что справляюсь, но это не так. Не очень-то мне это удастся. Заберите у меня снотворное, и я снова развалюсь на кусочки.

– Бабушка видела Лекси, маму Чарли. Она хочет меня видеть.

– Зачем?

– Не знаю. Полагаю, есть только один способ выяснить.

– Удачная ли эта мысль? Она вела себя ужасно по отношению к тебе, Грейс. Выгнала с похорон твоей лучшей подруги.

– Я знаю, но она мать Чарли, и у нее больше никого нет. Мне действительно надо проверить, все ли у нее в порядке. Вероятно, она хочет извиниться.

– Возможно, – говорит Лин. Но вид у нее неуверенный, как и у меня.

В стиральной машине крутится моя форма, а я проделываю дырки в пластиковой упаковке с рыбным пирогом, который нашла на дне морозилки. Я собиралась пройтись по

магазинам, но события с Грегом и ощущение, что за мной следят, выбили меня из колеи, и, расставшись с Лин, я сразу отправилась домой. Ставлю пирог в микроволновку и наливаю в бокал немного вина. У Дэна футбольная тренировка в понедельник, после нее он всегда ужинает в баре. Он прислал мне эсэмэску, что нашел свой телефон; я рада, что мы сразу же не купили новый. Сейчас поем и пораньше лягу спать.

Я перебираю музыкальные альбомы, стараясь найти такой, чтобы соответствовал сегодняшнему дню. Телевизор редко включается, когда Дэна нет дома. Я опускаю на пластинку граммофонную иглу и слушаю предшествующий пению треск. Элла Фицджеральд вполголоса напевает песню «Ненастная погода», я и сама стосковалась по ясной погоде в моей жизни. Хотя еще рано, я надеваю пушистую пижаму из шерстяной шотландки, о которой Дэн говорит, что в ней я похожа на медвежонка Руперта из детских комиксов. Розовый конверт Чарли стоит между прикроватной лампой и стопкой книг, которые мне надо прочесть. Я осторожно беру письмо, точно оно может взорваться, отношу вниз и, пялясь на него, ем пирог из замасленного пластикового контейнера, чтобы не мыть посуду. Мне любопытно узнать, что написала Чарли, но в то же время не хочется вскрывать письмо, потому что я боюсь эмоций, которые оно может породить. Это будет последнее новое воспоминание о Чарли. Как только я его вскрыю, у меня уже не останется о Чарли ничего, кроме старых воспоминаний.

Я ставлю поднос на пол, закидываю ноги на диван и растягиваюсь на нем, прикрыв ноги лоскутным покрывалом. Осторожно взяв письмо двумя пальцами, вскрываю конверт.

Глава 7

Прошлое

– Нарциссы уже всходят.

Дедушка мыл руки на кухне, а бабушка вытирала брызги воды с кранов из нержавеющей стали посудным полотенцем с надписью «Обожаю Париж». Она никогда не была во Франции, вообще никогда не покидала Англию, но питала слабость к посудным полотенцам и всегда покупала их, когда ходила по магазинам, часто приобретая кому-нибудь в подарок. У нее был полный ящик полотенец с изображениями мест, где она никогда не бывала. Не то чтобы я сама бывала за границей, но в тринадцать лет считала, что впереди у меня еще масса времени.

Я сидела за сосновым кухонным столом, прижавшись к буфету, набитому синей и белой фаянсовой посудой. От большого куска лимонного кекса осталось несколько крошек, и я, отодвинув тарелку, придвинула стопку фотоальбомов.

Раскрылись коричневые измятые страницы. Сердце закололо, и я прижала руки к груди. Семейные фотографии моей не существующей больше семьи – у меня при виде их всегда перехватывало дыхание. Я всячески старалась избегать этого испытания, но сегодня нужно было отобрать несколько фотографий для школьного проекта. Дедушка стоял сзади, положив руки мне на плечи, пока я молча листала страницы. Я водила пальцами по лицам. Мы выглядели как обычная семья: мама, папа и я. Рождественские коробки с конфетами и летний отдых на пляже с песчаными замками. Когда-то мы были обычной семьей. Сейчас мне этого не хватало. Я задержалась на фотографии, где я стою между мамой и папой на пляже, и они, улыбаясь, гордо держат меня, словно выигранный трофей, а ветер треплет их волосы. Мне, наверное, года два, по подбородку стекает мороженое, и я протягиваю вафельный рожок в сторону фотокамеры. Снимок так хорошо ухватил момент времени, что я буквально ощущала солнце, видела разбивающиеся волны, слышала чаек. Ощущение дома. Было еще зернистое фото, где мы с папой сидим за завтраком, а перед нами кружки с горячим шоколадом и шапкой взбитых сливок и зерновые хлопья. Папа готовил для меня настоящий горячий шоколад. «Никакой порошковой дряни для моей девочки». У него была специальная кастрюлька, только для молока, и он долго размешивал в ней куски шоколада «Кэдбери», пока молоко не становилось густым и коричневым.

– Вот эта. – Я вынула фотографию из пластикового кармашка и прибавила к стопке фотографий дедушки и бабушки, мамы и разнообразных тетюшек и дядюшек, которых, кажется, никогда не встречала и чьи неразборчивые имена на рождественских открытках никогда не узнавала.

– Должно быть, ты по ним скучаешь. – Дедушка сел рядом со мной. – Так не должно быть. Твоя мама опять звонила вчера вечером. – Он накрыл рукой мою руку. Его ладонь была теплой и влажной.

– Не хочу о ней говорить. – Желудок свело при мысли о том, что я наделала, и я отдернула руку.

– Тебе надо говорить о ней. Разложить все по полочкам у себя в голове.

– Я ведь говорила об этом с Полой в свое время, не так ли? Какой был смысл ходить к дурацкому психотерапевту, если и с тобой приходится говорить о том же?

– Не ругайся, Грейс.

Ножки стула заскрипели по плиточному полу – это я отодвинулась от стола и встала.

– Пойду к Чарли.

– Подожди. – Бабушка выставила руку, точно полицейский, останавливающий движение.

Прислонившись к дверному косяку, я выжидала, постукивая пальцами по деревяшке, глядя, как она кладет громадный кусок бисквита на кусок фольги и заворачивает. – Возьми с собой. Эту девочку надо подкармливать. – Если послушать бабушку, то никто нормально не питается, кроме нас. – Может быть, ты хочешь пригласить ее поехать с нами на каникулы в этом году, мы едем за границу.

– Правда? Куда? – Любопытство подняло мне настроение. Я скрестила пальцы за спиной: *Диснейленд, Диснейленд, Диснейленд*. Эсме ездила со своей тетей в Париж в прошлом году и с тех пор не перестает говорить об этом.

– На остров Уайт.

– Айви, это не заграница. Я тебе объяснял. – Дедушка подмигнул мне, и я не смогла удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ.

– Если это не заграница, тогда почему мы должны садиться на паром, чтобы туда добраться, а? Объясни мне.

Пластиковый пакет из магазина «Теско», туго набитый фотографиями и кексом, стучал по ногам, пока я неслась через деревню, мимо жужжащих газонокосилок и садовых шлангов, поливающих чумазые машины. Кроссовки шлепали по бетону, я бежала все быстрее и быстрее, стараясь изгнать из головы слова дедушки. Моя жизнь казалась расколотой надвое. На «до» и «после».

Когда я добралась до главной улицы, футболка взмокла от пота, и я привалилась к почтовому ящику, чтобы отдышаться. До меня донесся взрыв смеха. Это Шиван вышла из магазина «Бутс» со своей младшей сестрой Эбби. Я хотела крикнуть «Привет!», но Шиван, приложив ладонь к уху Эбби, что-то ей сказала. Они посмотрели в мою сторону и захихикали. Я захлопнула рот и принялась сосредоточенно изучать расписание выемки писем, осознавая, что щеки у меня, вероятно, такого же цвета, как почтовый ящик, и жалея, что не срезала дорогу через парк – но бабушка не любит, когда я хожу там одна. «Там всякий сброд», – говорит она, но в дневное время в парке обычно полно слащавых карапузов и озабоченных мамаш. Я не очень понимала, что Шиван имеет против меня, но она никогда не относилась ко мне так доброжелательно, как Чарли и Эсме, и с каждым годом она становилась все недружелюбнее. Эбби и Шиван нырнули в кафе, и я торопливо проскочила мимо его витрины, опустив голову и ссутулившись.

Дом Чарли был зажат в ряду викторианских террасных домов из красного кирпича, с общим выходом нескольких дымовых труб. Там раньше жили рабочие старой текстильной фабрики. Фабрики давно не было, ее здание сейчас занимала начальная школа, но дома остались.

Газон перед домом зарос высокой травой и крапивой, поэтому, пробираясь к входной двери, я подняла руки. Проигнорировав дверной звонок – по-моему, он никогда не работал, – постучала дверным молотком. Чешуйки черной краски отслаивались от двери и, порхая, падали на порог. Я ждала, и как раз в тот момент, когда собиралась постучать снова, услышала стук каблуков-шпилек, позвякивание браслетов, и дверь со скрипом распахнулась.

– Привет, Лекси. – Мать Чарли прижалась к стене, и я просочилась в прихожую. Лекси

встряхнула руками:

– Закрой дверь, Грейси Грейс. У меня лак еще не просох.

Я закрыла за собой дверь и наклонилась, чтобы подобрать с половичка почту.

– Всю рекламу можешь забрать с собой, – сказала Лекси. – Мне она на фиг не нужна. – Лекси подула на свои рубиново-красные ногти. – Как дела? Уже нашла себе бойфренда?

– Нет. Я...

– Тебе лучше без него. Они все, к чертям, никуда не годятся. Чарли на кухне, готовит чай. Голодная?

– Умираю с голоду. – Съеденный кусок лимонного кекса рассосался во время бега.

Чарли высыпала на рыжий от ржавчины противень куриные наггетсы и чипсы.

Лекси почти никогда не готовила. Чарли жила практически на одной пицце, бургерах и чипсах – просто чудо, что она была такой тощей. «Ленивая еда для ленивых людей», – говорила бабушка, но мой рот все равно наполнился слюной.

– Сделай одолжение, зажги мне сигаретку. Не хочу размазать лак. – Лекси кивнула в сторону пачки, и я вытащила сигарету и протянула ей. Она сомкнула вокруг нее алые губы. С трех попыток я привела в действие зажигалку, Лекси наклонилась ко мне, и мне стало страшно, что ее волосы, сухие и всклокоченные после многих лет окрашивания, могут вспыхнуть. Она затянулась, и кончик сигареты зажегся красным.

– Что у тебя там? – кивнула Лекси в сторону моего пластикового пакета.

Я отодвинула в сторону стопку писем, разбросанных по столу, и вывалила фотографии.

– Это для нашего проекта по истории. Родословное древо. Глупая идея, но это обязательно. Чарли тоже надо принести какие-нибудь фотографии.

– Не уверена, что у меня есть что-то подходящее. Только публичные снимки. Немного рискованные, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Я не поняла, но все равно засмеялась в ответ на ее смешок.

– А что насчет отца Чарли?

– А что насчет него? – Лекси нахмурилась и отогнала дым от глаз.

Чарли бросила на меня грозный взгляд, гремя противнем.

– У вас есть какие-нибудь фотографии? Нам требуется вся семья. Это нелепо, но...

– Я ее семья. Черт возьми, я что, недостаточно хороша? – Лекси придавила окурок.

– Да, но...

– Но что?

– Считается, что у нас должны быть фотки. Они у вас что, пропали во время пожара?

– Какого пожара?

– Чарли говорит, что помнит пожар. Здесь, когда она была маленькой.

– У Чарли чертовски активное воображение.

– Но, мам... я помню...

– Ты ничего не помнишь, маленькая лгунья. Никогда не было никакого пожара. – Лекси оттолкнула стул. Он с глухим стуком ударился о стену. – Я ухожу.

– Мам, я же готовлю...

– Я не голодна. – По коридору эхом разнесся стук ее шпилек. Хлопнула входная дверь, и дом содрогнулся.

– Зачем ты это сделала? – Чарли стояла, уперев руки в бока.

– Что?

– Я же говорила тебе, что с ней бывает, когда я упоминаю об отце.

– У тебя есть право знать, в любом случае нам надо...

– *Нам* ничего не надо. Шиван права, иногда ты бываешь настоящим геморроем, Грейс.

Только потому, что у тебя в семье неразбериха, ты вмешиваешься в мою.

Мой стул с грохотом опрокинулся – сжав кулаки, я вскочила на ноги.

– Не могу поверить, что ты это сказала. Ты ведь моя лучшая подруга.

– Что ж, может быть, нам не надо больше дружить. Мне не нужен отец и не нужна ты, Грейс Мэтьюз. Отвали.

Чарли встала и пулей вылетела за дверь. Ее шаги загрохотали по лестнице, и лампа у меня над головой затряслась, когда Чарли вбежала в свою комнату. В этом доме не было ковров, чтобы смягчать звуки. Я помню, Чарли однажды сказала, что все они были содраны, поврежденные дымом, и меня удивляло, почему Лекси отрицала пожар. Что она пыталась скрыть? Но, собирая свои фотографии обратно в пакет, я знала, в одном Чарли была права. В моей семье действительно неразбериха, и виновата во всем я.

Глава 8

Настоящее

Я держу в руках письмо из розового конверта. У бумаги неровный край. Она явно была вырвана из тетради, и мне слышится голос нашей учительницы из начальной школы, мисс Стайлз, которая кричит: «Шарлотта Фишер! Что это ты делаешь?» Чарли так часто попадалась на своих проделках.

Я беру бокал с вином, откидываюсь на спинку дивана и начинаю читать.

ТОЛЬКО ГРЕЙС И ЧАРЛИ РАЗРЕШАЕТСЯ ЭТО ЧИТАТЬ, ПОЭТОМУ, ЕСЛИ ТЫ НЕ ОДНА ИЗ НАС, ПЕРЕЗАХОРОНИ НАШУ КОРОБКУ И ВАЛИ ОТСЮДА!!!

Итак, нам уже больше не пятнадцать лет, мы совсем взрослые и потрясающие, и вот список дел, которые мне надо сделать, если они еще не сделаны:

1. Я хочу найти своего отца. Ну вот, я это признала. Мне чертовски жаль, что я была истеричной сукой, Грейс, когда ты пыталась мне помочь, но мама так против этого, что я совсем в растрепанных чувствах. Я подумала, написать об этом будет легче, чем сказать, однако чувствую себя такой виноватой даже оттого, что думаю об этом. Мама порой бывает просто бешеной коровой, но она – все, что у меня есть, и я не хочу ее огорчать. Ты ведь знаешь, Грейс, каково это, когда рядом нет отца? Вечная дыра, не так ли? Изнутри тебя наполняет печаль, которая никак не уходит, и ее все труднее и труднее не замечать.

В последнее время я, похоже, все больше и больше о нем думаю. Мне интересно, похожа ли я на него (в кого я такая красивая), одинаковое ли у нас чувство юмора (что-то же должно объяснять мою одержимость комик-группой «Монти Пайтон») и так же ли он ненавидит свеклу, как я. Я наполовину состою из того, кого не знаю, а я хочу знать. Хочу знать, кто я и откуда родом, и хочу, чтобы он тоже меня знал (но только с хорошей стороны!).

Надеюсь, что к этому времени мама уже раскололась и сказала мне, кто он (кстати, я НИКОГДА не буду лгать так, как она), и мы уже нашли его и провели каникулы у бассейна в его голливудском особняке. (Не перебор ли это – надеяться, что он кинозвезда-миллионер?)

2. Не толстеть!!! Мы будем проводить уйму времени в бикини (смотри выше)!

3. Всегда оставаться друзьями. Грейс, Шиван, Эсме и Чарли. Наша великолепная четверка. Я люблю вас всех (но особенно тебя, Грейс, моя лучшая подруга навеки).

Чарли.

Я перечитываю список дважды, пока допиваю вино. Я ни на шаг не приблизилась к раскрытию смысла ее последних слов. В письме нет ничего, что помогло бы мне их понять,

и разочарование, словно кислота, разъедает желудок. Я сама не знаю, чего ожидала. Большой черной стрелки с надписью «начинать отсюда»? Пока я перечитываю письмо, до меня доходит, что мы так и не разыскали ее отца, и я встаю и начинаю ходить по комнате. Куда она ездила, когда исчезла? Не могла ли она найти своего отца? Не мог ли он знать, что она совершила нечто ужасное?

Я закрываю глаза. *Думай, Грейс*. Если бы я смогла его найти, то могла бы спросить. Единственная проблема состоит в том, что только один человек знает, кто он такой. И этот человек Лекси.

Глава 9

Настоящее

Я веду машину к дому Лекси. Насыщенные влагой облака тяжело нависают в свинцовом небе, и не успеваю я проехать половину пути, как они прорываются. Увесистые капли сыплются на землю пулеметной очередью, отскакивая от ветрового стекла. Я включаю фары, хотя время только приближается к четырем.

Несмотря на уговоры, Дэн отказался со мной поехать. Я пыталась объяснить ему, что мне нужно помириться с Лекси, она мой единственный реальный шанс разыскать отца Чарли, но он не понимает, почему я чувствую себя обязанной его найти. В лучшем случае отец Чарли встречался с ней, когда она исчезла, и может дать ответы на какие-то вопросы. В худшем он с ней не встречался, но тогда я смогу по крайней мере ему о ней рассказать. Почтить ее память.

Кроме того, мне надо разгадать смысл последних слов Чарли: *«Я совершила нечто ужасное, Грейс. Надеюсь, ты сможешь меня простить»*. С чего-то же надо начать.

Мой мобильник вибрирует, и я подъезжаю к обочине у автобусной остановки, чтобы посмотреть, кто звонит; если это бабушка, я отвечу. За мной останавливается красный «Опель Корса». Звонок пришел с номера 0843, и я, предположив, что это, вероятно, телефонный спам, сбрасываю звонок. Возвращаюсь обратно на дорогу, наклоняясь вперед и щурясь, чтобы лучше видеть сквозь проливной дождь. Когда я наконец добираюсь до улицы Чарли, то облегченно вздыхаю.

Палисадник перед домом Лекси залит водой, и к тому времени, как я, продираясь сквозь буйные заросли, достигаю входной двери, штанины моих джинсов мокры насквозь. Не верится, что семь лет прошло с тех пор, как я молотила ладонями в эту дверь и слезы текли у меня по лицу, когда я вопила, требуя правду о Чарли. Я тогда не имела представления о том, что не увижу подругу несколько лет и в следующий раз буду стучать в эту дверь, с тем чтобы забрать Лекси на похороны ее дочери.

Дверной молоток заржавел, и, когда я дергаю его вверх, он протестующе скрипит. В ожидании я топаю, отряхивая влагу с обуви. Раскат грома заставляет меня вздрогнуть, в первую секунду я думаю, что это обратная вспышка в карбюраторе машины, и оборачиваюсь. Какая-то красная «Корса» припаркована позади моей машины, но слишком темно, я не могу как следует разглядеть водителя и жалею, что не запомнила номер той машины на автобусной остановке. Сколько может быть красных «Корс»? Вероятно, сотни, но волосы на затылке встают дыбом, когда я спрашиваю себя, не та ли это самая машина, что стояла возле коттеджа в воскресенье.

Стучу снова. Громко и настойчиво.

— Кто там?

— Это я. Грейс.

Дверь распахивается, и, когда изрезанное морщинами лицо Лекси показывается из-за двери, я пытаюсь удержать на лице улыбку. Белки ее глаз испещрены крохотными красными сосудами.

— Я теперь больше не открываю, пока не узнаю, кто пришел. Меня тошнит от благодетелей. Я не очень-то верила, что ты придешь.

– Я тоже.

Я вхожу в прихожую, приготовившись защищаться, если она начнет кричать, но, к моему удивлению, она раскрывает мне объятия, и ее поведение на похоронах уже не кажется таким обидным. Она мать Чарли, и ей больно. Нам обеим больно. Ее тазовые кости впиваются в меня, пока мы неловко обнимаемся (она всегда была костлявой), и я отворачиваю голову от ее волос. Их седые корни контрастируют с ярко-рыжими секущимися концами, а запах от волос такой, будто их не мыли несколько недель.

Я иду за Лекси по узкому коридору, оставляя на голом полу мокрые следы.

– Садись.

В кухне стоит неприятный запах. У двери черного хода громоздятся мешки, из которых вываливается мусор. Меня наполняет острое чувство стыда. Это мать Чарли, и независимо от того, что случилось на похоронах, надо было навестить ее раньше. У нее больше никого нет. Я выдвигаю стул. Ножки шатаются, и я смахиваю крошки с сиденья, прежде чем сесть.

– Чаю?

– Спасибо.

В мойке башней высится грязная посуда, напоминая гигантскую игру «Дженга», и когда Лекси вытаскивает оттуда чашку, столовые приборы падают. Их звон разгоняет неуютную тишину.

– Сахар?

– Нет, спасибо.

Лекси ополаскивает под холодной водой заляпанную чашку и заливает недокипевшей водой чайный пакетик. Я отодвигаю в сторону грудку почты и переполненную пепельницу, чтобы освободить место для поставленного передо мной напитка, часть которого выплеснулась на стол. О молоке я и не спрашиваю.

Подношу чашку к губам и делаю вид, что пью.

– Как у тебя дела?

Лекси пожимает плечами и обводит взглядом немытую кухню, словно это должно служить мне ответом – и мне действительно все понятно. Неуютная тишина возвращается.

– Как-то справляюсь. Твоя бабушка присылает мне столько запеканок и кексов, что можно накормить всю улицу.

Я скрываю удивление. Бабушка никогда не была большой почитательницей Лекси. Я тронута ее поступком.

– Итак. – Я делаю глубокий вдох. – Ты хотела меня видеть?

Лекси трясущимися руками зажигает сигарету. Она относит пепельницу к задней двери и пытается высыпать ее содержимое в переполненный мусорный пакет. Пепел просыпается на пол.

– Хочу сдать комнату. Нужны деньги. Не работаю с тех пор, как... Ты знаешь. – Я киваю. – Мне надо расчистить комнату Чарли. В одиночку не смогу.

Лекси берет в руку золотую зажигалку «Зиппо», щелкает ею, потом захлопывает, и так без конца. Я стискиваю зубы. Мне хочется накрыть ее руку своей, успокоить Лекси, но я этого не делаю.

– Ты хочешь, чтобы я тебе помогла?

– Угу. Жилец въезжает завтра.

– Завтра?

– Угу. Ты мне поможешь?

Ее вопрос повисает в воздухе, требуя ответа, но рот у меня пересох, и я не могу говорить. Не хочу возвращаться в комнату Чарли.

Ее серые глаза встречаются с моими.

– Пожалуйста, – чуть слышно шепчет она.

Я открываю рот. На языке у меня сидит слово «нет», словно птица, которая ждет, когда ее выпустят из клетки, но чувство вины рассуждает по-другому.

– Да, – говорю я.

Я толкаю дверь ладонью, она холодная и жесткая, словно знает, что охраняет комнату, утратившую сердце. Когда я ее открываю, то не могу понять, что меня душит: пыль или старые воспоминания. Выцветшие лиловые занавески, которые никогда не задерживались до конца, задернуты, и я с шумом раздвигаю их и открываю окно. Глотаю свежий воздух так жадно, словно долгое время провела под водой, радостно приветствуя брызги дождя на лице.

Комната Чарли не использовалась последние шесть лет, до самой ее смерти, но Чарли уехала так внезапно, что большинство ее вещей до сих пор здесь. Они разбросаны по всему полу, но, несмотря на устроенный Чарли беспорядок, комната почему-то все равно кажется пустой. Опустошенной.

Лекси стоит в дверях, не переступая порога, и грызет ноготь.

– Я принесу мешок для мусора, – предлагает она.

Я киваю, хотя чувствую, что нам понадобится по крайней мере целая упаковка мешков, а также чудо, чтобы освободить комнату сегодня.

Пробковая доска, покрытая фотографиями, до сих пор криво висит на текстурированных бетонных стенах. Чарли ненавидела свою комнату: «Кто делает стены такими же, как потолок?» Я помню уик-энд, когда она отчаялась упротить Лекси нанять штукатура, и мы покрасили пожелтевшие от никотина стены в ярко-розовый цвет. Стало еще хуже. Чарли пришла ко мне и, плача, вычесывала краску из волос, жалуясь, что ее комната теперь похожа на гигантскую пастилу. Бабушка приготовила нам картофельную запеканку с мясом, а дедушка тем временем молча принес из сарая валик для краски и лестницу. К тому времени, как Чарли вернулась домой на следующий день, стены ее комнаты были бело-снежными, но по-прежнему остались текстурированными.

Я откалываю от доски фотографию и нежно обвожу пальцем лицо Чарли, при этом в животе у меня что-то сжимается.

– Я по тебе скучаю, – шепчу я.

– Я тоже по ней скучаю. – Лекси протягивает мне несколько мешков и картонную коробку. – Я допиваю последнюю банку пива, так что коробку можно использовать.

Я подавляю сарказм. Она же старается.

– С чего начнем? Наверное, надо поделить все на сектора. Вещи, которые нужно сохранить, вещи для благотворительного магазина и мусор.

– Я разберу постель, положу белье в стиральную машину. Ты начни с выдвижных ящиков. Все, что тебе подойдет, можешь забрать.

Я опускаюсь на колени. Коленные чашечки упираются в деревянные половицы – хорошо, что на мне брюки. Верхний ящик не поддается, и приходится резко его дернуть. Ручка остается у меня в руке, и я подумываю, не попросить ли Лекси поискать отвертку, но вместо этого кладу ручку в карман. У меня в багажнике есть маленький комплект инструментов. В ящик кое-как втиснута чудесная радуга крохотных футболок. Если бы мне

даже захотелось их носить, они были бы мне совсем малы. Я отбираю несколько штук, которые, как мне кажется, Лекси будет приятно сохранить: оранжевую вареную футболку, яркие топики на бретельках, – и складываю остальное в мешок для благотворительного магазина. В нижнем ящике обнаруживается рубашка в цветочек.

– Это моя, – говорю я Лекси. – Интересно, что я еще найду?

На губах у Лекси мелькает тень улыбки.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Когда Чарли было лет пять или шесть, она рылась в моем комод, ища, во что бы нарядиться. Я готовила обед на кухне, и она пришла ко мне, потрясая вибратором. Он громко жужжал у нее в руке. «Мама, что это?» – спросила она.

– Что вы ей ответили?

– Сказала, что это специальный массажер для плеч, которым я пользуюсь, когда у меня бывает трудный день.

– Находчиво.

– Потом я об этом забыла, но недели две спустя, когда пошла забрать ее из школы, мисс Джонсон, ее учительница, пожелала поговорить со мной наедине. Оказывается, что накануне она пожаловалась детям, что у нее затекло плечо и она не может как следует писать на доске. Чарли принесла ей попользоваться «специальный массажер». И учительница вручила мне мой вибратор в хозяйственном пакете. Я чуть не умерла, к чертям.

– О боже. Что ты ей сказала?

– Сказала «спасибо» и выразила надежду, что скоро она почувствует себя лучше.

Я хмыкнула.

– Да уж. Чарли попало?

– Нет. Она ведь искренне пыталась помочь. Хуже было, когда в дверь постучали сборщики пожертвований для больных детей Африки.

– И что произошло?

– Я была в душе, но Чарли решила отдать им одно из моих комнатных растений. «Это растение, которое поможет вам стать счастливыми. Отдайте его детям», – сказала она и отдала им выращенную мной коноплю.

– Лекси! Тебе повезло, что тебя не арестовали. – Я не могу удержаться от смеха. Обстановка немного разряжается.

– Я думаю, они не поняли, что это такое, и сказали Чарли, что им нужны только деньги. «О, в этом доме никогда не бывает чертовых денег», – ответила на это моя дочь. Ей было, наверное, лет пять.

– Не могу себе представить ее маленькой. У тебя есть какие-нибудь фотографии?

– Несколько штук. Я покажу тебе позже, если хочешь.

– Да, пожалуйста. – Я представляю себе Чарли в пять лет, с собранными в хвостики волосами, бесстрашную. Никогда не забуду, как она заступилась за меня, когда мы только познакомились.

– Грейс, я должна перед тобой извиниться... – Голос Лекси замирает.

Я расправляю складки на летних платьях, складываю зимние джемперы. Теплую одежду, которую Чарли больше никогда не увидит.

– Похороны – это стресс. Не надо извиняться.

– Дело не только в похоронах. – Щелкает зажигалка, взвывается дымок. – Это сложно...

– Не стоит говорить об этом сейчас. – Я вытаскиваю из ящика последнюю вещь. – Это

когда-то были твои джинсы, помнишь? – Я показываю ей крохотные белые джинсовые шортики.

– Я обожала эти джинсы.

Отправляю шорты к вещам, которые отложила для Лекси.

Ящики пусты. Я встаю и тру коленки, потом открываю коробочку с драгоценностями. Из нее доносится музыка, и балеринка в розовой пачке крутит свои бесконечные пируэты.

В выстланном красным бархатом футляре лежит вторая половинка сердечка на цепочке. Я вынимаю ее. Она вращается, точь-в-точь как тогда, в лесу, вертелась моя – словно ищет утраченную часть.

– Ты должна забрать это себе, – говорит Лекси. – Эта вещь была на ней в тот день. Она бы хотела, чтобы ты ее забрала.

Я киваю, слишком растерянная, чтобы говорить. Расстегиваю свою цепочку и надеваю на нее половинку сердца Чарли; она соприкасается с моей, не совсем точно подходя, – разбитое сердце, которое никогда уже не станет целым.

Мы молча работаем до тех пор, пока не всходит луна. Она льет белесый свет на ряды черных мешков, выстроившихся, точно солдаты, у неопрятных стен.

– Завезу это в благотворительный магазин в понедельник, – говорю я, перекидывая мешок с мусором через левое плечо, а другой несу в правой руке. Осторожно, чтобы не упасть, спускаюсь по лестнице, чувствуя себя Санта-Клаусом. Складываю задние сиденья в машине и каким-то образом впихиваю всю жизнь Чарли в багажник, за исключением мешка с вещами, которые, как я думаю, Лекси сама может носить. Этот мешок я засовываю к ней в гардероб.

Я прощаюсь с комнатой Чарли. Единственными видимыми признаками протекавшей там жизни остались следы от постеров и липкие пятна клея на стенах. Как быстро можно уничтожить следы чьего-то физического присутствия, в то время как память о человеке остается навсегда. Выключаю свет и спускаюсь вниз, к Лекси.

– Выпьешь?

– Пожалуй.

Я сижу на потрескавшемся кожаном диване, подогнув ноги, и потягиваю из бокала мерло. Жду, пока острота алкоголя успокоит тревогу. Я собираюсь использовать эту возможность, чтобы расспросить об отце Чарли. Надо все сделать правильно. Мне выпал шанс узнать имя, может быть, даже адрес.

– Здесь я выпила первый в жизни бокал красного вина, – говорю я Лекси. – Чарли сказала мне, что это кровь, и подзадорила выпить. Я плакала, когда пришла домой. Сказала бабушке, что превратилась в вампира.

– Она была еще та засранка, Чарли, – с любовью говорит Лекси.

– Можешь показать мне те детские фотографии? – Мой тон небрежен, но сердце колотится. Отпиваю еще глоток, на сей раз побольше.

Лекси роется в серванте, и я скрещиваю пальцы за спиной.

– Вот они. – Она вытаскивает коричневый конверт формата А4, на котором черным фломастером выведено «*Шарлотта*». Из протершихся краев конверта торчат углы фотографий.

– Всегда собиралась поместить их в какой-нибудь альбом. – Лекси вываливает фотографии на диван.

Беззубая Чарли широко улыбается мне из кухонной мойки, голова у нее намылена

шампунем.

– Очень забавная. – Я беру старый поляроидный снимок. Розововолосая Лекси в пестром халате, с больничным браслетом на запястье, прижимает к себе спящего младенца.

– Это в тот день, когда она родилась?

– Угу. Четырнадцать часов мук. Господи, как я была измотана. Хотя веселящий газ для обезболивания мне понравился.

– Отец Чарли там присутствовал?

– Нет. – Лекси делает большой глоток вина.

– Почему?

Лекси пожимает плечами:

– Он не хотел знать. Подонок сбежал, как только узнал, что я беременна.

– Он никогда не видел Чарли?

– Нет.

– Должно быть, тебе пришлось тяжело. Одной с ребенком.

– Не то слово.

– Расскажи мне о нем.

– Он ублюдок. Ей было лучше без него.

– Уверена, что так. – Ложь дается мне легко. – Просто любопытно.

Нависшая между нами тишина делается все напряженнее, пока не взрывается.

Лекси глубоко вздыхает:

– Ладно. Что ты хочешь знать?

Она вытряхивает последние капли вина в свой бокал – оно почти переливается через край – и встает с дивана. Потрясает новой бутылкой и вопросительно смотрит на меня.

– Я за рулем. – Прикрываю ладонью свой бокал и нетерпеливо ерзаю по сиденью. Воздух кажется густым от сигаретного дыма и секретов. Лекси бегло просматривает фотографии и извлекает потрепанный снимок мужчины. Он салютует пивной кружкой кому-то за пределами кадра. Во рту у него сигарета. Он вылитая копия Чарли.

– Его зовут Пол Лоусон. Я познакомилась с ним, когда мне было шестнадцать. Я тогда все время ошивалась возле «Фольк-Лора». Это была знатная концертная площадка. У них были собственные группы, которые сменялись каждые несколько недель. Кажется, теперь это заведение закрылось. – Лекси морщит лоб, и я всем телом подаюсь вперед, страстно желая, чтобы она продолжала. – Я обычно просачивалась через заднюю дверь, чтобы не платить. Стояла сзади, смотрела на выступающих, представляя, что это я сама пою на сцене. Однажды Фрэнк, владелец заведения, подошел и хлопнул меня по плечу. Я чуть в штаны не наложила. Думала, меня сейчас вышвырнут. Он сказал: «Если тебе так нравится сюда пробираться, то могла бы сделать полезное дело, пособирать стаканы». – Лекси улыбнулась при этом воспоминании. – Пол был певцом. Это было его первое выступление там, и он был чертовски классным. Я тут же в него влюбилась.

Лекси умолкла, чтобы закурить следующую сигарету. Дым витал вокруг моего лица, а ее слова витали в моей голове. Значит, она любила отца Чарли? Действительно любила?

– Ему было двадцать два года. Не такая уж большая разница в возрасте, но он казался много старше меня. Настоящий мужчина, понимаешь? Я от него тащила. У него были белокурые волосы и красивые зеленые глаза. – Пепел с сигареты падает на ногу Лекси. Но она, похоже, этого не замечает.

– Вот. – Я подаю ей пепельницу. – Значит, у вас завязались отношения?

– В первый вечер, когда он пел, у него был такой успех. Он сошел со сцены в такой эйфории. Подхватил меня и стал кружить, так быстро, что я думала, меня затошнит. Пригласил отпраздновать с ним, но Фрэнк сказал, что не станет меня обслуживать, даже в сверхурочное время. – Лекси откупоривает новую бутылку и доливает свой бокал. – Пол купил бутылку виски на вынос, и мы пошли в парк. – Лекси обхватывает себя руками, словно стараясь получше удержать воспоминания. Я никогда не видела, чтобы она выглядела такой уязвимой. – Мне не понравилось виски, показалось чертовски отвратительным. Хотя ему я этого не сказала. Я выплюнула половину обратно в бутылку вместо того, чтобы проглотить. – Ее передернуло. – Никогда не старайся изменить себя ради мужчины, Грейс.

– Что было дальше?

– Он сказал мне, что я особенная, и я купилась на его треп. Мы занимались сексом, подстелив его куртку. Это был мой первый раз. Шикарно, да? – Лекси опрокидывает в себя вино.

– И после этого он тебя бросил?

– Нет. Мы провели вместе следующие шесть недель. Но потом он исчез. Даже не попрощался. С тех пор я его не видела. Да и не хочу ни капельки, чтоб его черти забрали.

– И ты была беременной, когда он ушел?

– Угу, но он не знал.

– Ты ведь, конечно, могла его разыскать? Сообщить ему? Он имел право знать о ребенке. Лекси роется в сигаретной пачке, оттягивая ответ, как будто формулирует его в голове перед тем, как произнести вслух.

– На самом деле я ему сказала. Он нас не захотел.

– Мне показалось, ты сказала...

– Я имела в виду, он не знал, пока я ему не сказала. Он не хотел детей. Хотел, чтобы я сделала аборт. Ублюдок.

– Он знает, что ты не сделала? Что у него есть дочь?

– Конечно. – Лекси рывком спускает ноги с дивана и опрокидывает бутылку вина. – Черт, черт, черт.

Я приношу тряпку и опускаюсь на колени. Промокаю потертый ковер, собирая с него красное вино.

– Так что он ответил, когда ты рассказала ему о Чарли?

– Проклятие, да не знаю я. Это было двадцать пять лет назад. Я с трудом вспоминаю, что делала вчера.

– Лекси, он знает, что Чарли умерла?

Лекси сидит, уставившись на темно-красное пятно, глаза ее полны непролившихся слез.

– Не хочу я больше ничего говорить.

– Но, Лекси, это важно.

– Не порть все, Грейс. Было приятно вновь с тобой повидаться, но я устала.

Лекси протягивает руку, и я отдаю ей насквозь промокшую тряпку, натягиваю туфли и забираю пальто и сумку.

– Скоро мы поговорим снова, – говорю я ей.

Она кивает, и мы обнимаемся на прощание.

Забираясь в свою «Фиесту», я нащупываю в кармане ручку от ящика комода в комнате Чарли. Я так и не прикрутила ее обратно. Ну, значит, будет повод вернуться. Надо будет вернуть и фото Пола, которое я сунула в карман, когда Лекси отвернулась. По дороге

домой я чувствую дрожь возбуждения. У меня созрел план.

Глава 10

Настоящее

Мышцы болят. Я балансирую на краю матраса, словно канатоходец на проволоке. Дэн еще спит, он лежит на спине, рот расслаблен, лоб гладкий, как булыжник. Сон разгладил морщины, которые избороздят его лоб, как только он проснется. Холодные белые простыни тянутся между нами – пропасть, которую я все еще не в состоянии преодолеть, как бы сильно мне ни хотелось. У меня больше нет уверенности, что именно он ко мне чувствует. Я наблюдаю, как грудная клетка Дэна ритмично вздымается и опускается – его легкие расширяются и сжимаются. Мне так хочется положить голову ему на грудь. Почувствовать щекой покалывание черных волос, услышать биение его сердца.

Горе сокрушительно, оно разобщает, несет одиночество. Мы оба потеряли Чарли, но Дэн не знает, что я чувствую, до конца не знает, да и откуда ему знать? Сначала я оглохла и онемела от шока, утратив способность обдумывать простейшие задачи, управляться с бытовыми приборами, которыми до этого пользовалась тысячу раз. Тосты подгорали, одежда была мятой. Я разучилась общаться. Слова путались и застревали у меня на языке, пока я их не проглатывала и они сталкивались с терзающей меня бурей эмоций. Если я не могла точно определить свои чувства, могла ли я выразить их? Дэн начал все дольше и дольше задерживаться на работе, частенько вваливаясь домой в полночь. Лестница скрипела под его тяжелой поступью, и пока он возился с одеждой, а потом плюхался рядом со мной в кровать, я лежала молча и неподвижно, крепко зажмурившись. От него так сильно пахло алкоголем, что мне казалось, будто это я сама напилась.

В последнее время все изменилось. Мы поменялись ролями. Он больше бывает дома, а я снова на работе. Общаюсь с людьми, как будто я одна из них, как будто устройство моей вселенной не изменилось.

В окна бьет ветер, и стекла дребезжат. Садовая калитка со скрипом отворяется и захлопывается с глухим стуком. Я сажусь на кровати и наклоняюсь за тапочками. В шее что-то хрустит. Я сую ноги в искусственный мех и снимаю с крючка халат, потом неслышно спускаюсь по лестнице и открываю входную дверь. Яблоня стоит, наклонившись, похожая на сгорбленного старика, борющегося с ветром. Мои ноги в тапочках осторожно ступают по мерзлой дорожке, и я рывком захопываю калитку и запираю на щеколду, зная, что та все равно не будет держать.

В кухне я включаю древнюю отопительную систему, которая с бульканьем и пыхтением оживает, и вытаскиваю из холодильника бекон. Раньше мы доставали его, когда по воскресеньям по очереди приносили друг другу завтрак в постель, и я не могу вспомнить, когда мы перестали это делать – после или еще до смерти Чарли. Я отрезаю толстые ломти от белого батона и густо намазываю их маслом и коричневым соусом. Бекон шипит и плюется на сковородке, и Миттенс мурлычет у моих ног, сообщая, что она тоже любит бекон. Я отрезаю жир. Отдам половину ей, половину птицам.

– Доброе утро. – Поднявшись наверх, я ставлю поднос в ногах кровати. Кружки стукаются друг о друга, и чай выплескивается на тарелки.

Дэн садится, подкладывает под спину подушку и скидывает на пол журналы и пакетики из-под жевательного мармелада. Я передаю ему его завтрак.

– Спасибо. Ты поздно пришла вчера. Как все прошло у Лекси? – Он надкусывает бутерброд. Жир течет по подбородку, и он вытирает его тыльной стороной ладони.

– К ней въезжает жилец. Я помогла расчистить комнату Чарли, а потом мы пили вино. Она рассказала мне о Поле.

– О Поле?

– Отце Чарли.

– Зашибись. Вот уж не думал, что она расскажет. Честно говоря, мне казалось, что она даже не знает, кто это был. Она такая потаскушка.

– Он был у нее первым, и она действительно его любила.

– Влюбленная Лекси. Кто бы мог подумать? Что произошло?

Я тру глаза.

– Точно не знаю. По ее словам, он не знал, что она беременна, но потом Лекси поменяла показания и сказала, что он сбежал, когда она ему сообщила. Она была очень уклончива. Тем не менее мы теперь можем его найти, не так ли?

– Ты уверена, что этого хочешь?

– Да. Мы не знаем, куда ездила Чарли после своего исчезновения. Если она с ним встречалась, он может знать, за какое прегрешение она не могла себя простить.

– Ты можешь никогда этого не выяснить. Шансов очень мало. А если выяснишь, тебе может не понравиться то, что ты узнаешь. – Дэн жует бутерброд.

– Я не узнаю ничего, если не попытаюсь. Пожалуйста, Дэн. – Я отыщу Пола Лоусона и без помощи Дэна, но будет легче, если он поможет.

– Тебе со многим пришлось столкнуться в последнее время, Грейс. Я не хочу, чтобы тебя еще что-то огорчало.

– Тогда помоги мне. Я хочу двигаться дальше, Дэн. Правда хочу. Хочу, чтобы все стало по-прежнему, насколько это возможно. Хочу, чтобы у нас все было по-прежнему.

Дэн приканчивает бутерброд и вытирает пальцы о стеганое одеяло. Пятнышки жира впиваются в белый хлопок, и я поскорее отпиваю чаю, чтобы не наброситься на него с выговором. Он наклоняется ко мне и сжимает мою руку.

– Я тоже. Хорошо. Я помогу. Где он живет?

Я вздыхаю. Стоящая передо мной задача вдруг начинает казаться непомерной.

– Точно не знаю.

– Тогда как мы ему скажем?

– Его зовут Пол Лоусон, и он фолк-певец. Я думаю, ты как-нибудь мог бы найти его в Сети.

– Потому что я гений?

– Потому что мы потратили кучу денег на навороченный макбук, и ты уверял, что он стоит своей цены, потому что может делать все.

– Вряд ли он может творить чудеса. Впрочем, давай спустимся вниз, и я его погуглю.

Балансирующий на коленях у Дэна ноутбук с жужжанием оживает, экран ярко вспыхивает. Дэн склоняется над клавиатурой. Я усаживаюсь к нему как можно ближе, наши бедра плотно соприкасаются. Это мой самый тесный физический контакт с Дэном за последние месяцы. Я вручаю ему снимок, который утщила у Лекси вчера вечером. Надеюсь, она не заметит его отсутствия.

Пальцы Дэна летают по клавиатуре.

– Пол Лоусон, ты сказала? Фолк-певец?

– Да.

– Есть ссылки либо на ключевые слова «Пол Лоусон», либо на ключевые слова «фолк-певец», но ничего на них обоих.

– Давай все равно их посмотрим.

Дэн смеется.

– Ты, кажется, не очень понимаешь, что такое Интернет? Имеется сорок миллионов результатов. Если хочешь прочесать их все, ради бога.

Я забираю у него ноутбук и щелкаю по страницам. Плечи все больше и больше деревенеют, и наконец мне приходится встать, сцепить пальцы за спиной и вытянуть руки.

– Давай найдем сайты, посвященные розыску людей.

День переваливает на вторую половину и движется к вечеру, а мы перебираем сайт за сайтом: Армии спасения, пропавших без вести... Такое впечатление, что все кого-то ищут. Я читаю истории о сбежавших детях, о мужьях, которые вышли в магазин, да так и не вернулись, об исчезнувших матерях.

Бутерброд с беконом, казавшийся таким вкусным, камнем лежит у меня в желудке. Жир, словно щупальца, поднимается к пищеводу.

– Так. – Дэн скребет нос. – Никто не поможет нам разыскать Пола Лоусона, потому что мы с ним никак не связаны, понимаешь? Хотя они могли бы помочь Лекси, если бы знали обстоятельства. Есть ли какой-нибудь шанс...

– Нет.

– Тогда, я думаю, остаются только социальные сети.

– Но мы там уже искали.

– Мы искали в соцсетях, но мы можем поместить сообщение в каких-нибудь группах. Есть уйма групп, связанных с музыкой. Кто-то должен его знать.

Оптимизма прибывает. Я киваю.

– Пойди, принеси китайское меню, женщина, и предоставь мне изменить ситуацию к лучшему. – Дэн перебирает пальцами, как мультяшный злодей, замышляющий какой-то подлый план. Я иду и нахожу рекламную листовку китайской еды навынос, чтобы выбрать блюдо по нашему вкусу, хотя все равно мы всегда останавливаемся на рагу по-китайски и жареном рисе с яйцом.

Кофейный столик завален остатками нашего китайского ужина. Мои контейнеры из фольги с недоеденной едой гнездятся внутри пустых контейнеров Дэна. Миттенс бьет лапой по свисающей из моей тарелки лапше. Лапша раскачивается, и кошачий взгляд бежит влево-вправо, точно у зрителя на Уимблдоне, следящего за тем, как теннисисты обмениваются ударами.

– Мы поместим там фото, которое ты унесла у Лекси. Что скажешь?

Я с хрустом разгрызаю очередное китайское печенье.

– Что, если так: «Вы Пол Лоусон? Или, может, вы с ним знакомы? Если так, пожалуйста, свяжитесь с нами по срочному делу. У нас есть для вас важная новость»?

– Не уверен насчет этого. Звучит так, будто ему привалила неожиданная удача. Нам не надо, чтобы каждый псих отвечал нам, прикидываясь им.

– Ладно. А что, если так: «Мы пытаемся разыскать Пола Лоусона по делу, не связанному с финансами. Если вы знаете Пола, пожалуйста, свяжитесь с нами»?

– Теперь это звучит так, словно он совершил что-то неблагоприятное. Я бы не стал на такое отвечать.

– Это потому что ты такой подозрительный.

– Приходится, когда ты такая доверчивая.

– Попробуй так: «Я старый приятель Пола Лоусона из музыкального бизнеса и очень хотел бы знать, какое волшебство творит он теперь своей гитарой. Знаете ли вы его?»

– Лучше. Звучит дружелюбно. Должно возбудить его любопытство. Я создам адрес электронной почты специально для этого, что-нибудь связанное с музыкой, без имени.

Я приваливаюсь к подлокотнику дивана и наблюдаю, как экран озаряет лицо Дэна. Он полностью поглощен тем, что делает: мой компьютерный фрик. Давно уже я не чувствовала себя такой довольной.

– Готово. – Дэн показывает мне, что он сделал, а затем захлопывает крышку ноутбука и сует его под кофейный столик.

Я беру бокал с вином. Расстояние между нами испаряется. Я спрашиваю себя, чувствует ли он то же самое. Я делаю глубокий вдох и уже собираюсь предложить пораньше лечь, но тут телефон Дэна звонит. Он достает его из кармана и хмурится.

– Хорошо бы работа оставляла меня в покое по воскресеньям.

– Выключи его.

– Не могу. Обследование выявило проблему с тем домом на Истон-роуд, который я пытаюсь продать. Покупатели хотят отказаться. Мне надо сделать звонок. Поговорю с ними по дороге в магазин на углу. Принесу еще вина.

– Поздно уже. У нас есть еще четверть бутылки.

Но телефон уже прижат к его уху, и он меня не слышит.

Без Дэна в доме тихо. Пусто. Через какое-то время я подхожу к окну. Отвожу в сторону занавески. Никаких машин или фигур нет, но я все равно надеюсь, что Дэн запер входную дверь. Иду это проверить. Тянусь к дверной ручке, но слышу шум. Замираю. На крыльце какое-то шарканье. Чьи-то шаги? Я прижимаю ухо к двери, и мне кажется, что я слышу дыхание, но знаю, что это невозможно – слишком сильно бьется мое сердце. *Грохот*. Кто-то что-то опрокинул – видимо, подставку для зонтов. Я говорю себе, что это лисица, но тут слышу чей-то голос: «Черт». Произнесено это шепотом, так что я не могу определить, мужчина это или женщина.

– Кто там?

Голос мой дрожит, и от страха я не могу двинуться с места, но протягиваю руку и включаю свет на крыльце. Прижимаю ухо к двери. Тишина. Я представляю себе, как по ту сторону кто-то делает то же самое. Как чья-то рука просовывается сквозь щель для писем и хватает меня. Как чей-то кулак разносит вдребезги декоративную стеклянную панель. Меня раздрают противоречивые побуждения: то ли принести из гостиной телефон, то ли нож из кухни, – но тут я слышу рокот машины Дэна. Его башмаки стучат по дорожке. Входная дверь со скрипом отворяется, я практически выхватываю из руки Дэна бутылку вина и вглядываюсь через его плечо в черноту, но там никого нет.

Глава 11

Настоящее

Неделя пролетает быстро, и вот уже пятница. Я весь день беспокоилась, что мне нечего будет надеть на сегодняшний выход, но, когда добираюсь домой с работы, на коврике перед дверью меня ждет карточка королевской почты Великобритании: посылка для меня оставлена у миссис Джонс. Я стучусь в покрашенную глянцевой зеленой краской дверь соседки, засовываю руки глубоко в карманы и переступаю с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть. Мне кажется, это занимает целую вечность. Пригнувшись, я всматриваюсь через щель для писем и вижу миссис Джонс. Склонив седую голову, она шаркает через холл. Я выпрямляюсь, и дверь распахивается.

– Здравствуйте, Грейс, дорогая, как приятно вас видеть.

– Мне тоже, миссис Джонс. Как поживаете?

– Мне не следует жаловаться. Всё пока на месте и работает.

– Вам принесли для меня посылку?

– Она здесь, на телефонном столике. Я так им довольна, дорогая. Прелестный цвет. У этой хорошенькой журналистки Кёрсти Олсопп в ее вчерашней программе стоял точно такой же.

– Ну, что вы. Я сама получала удовольствие, когда его реставрировала. Рада, что он вам нравится.

Миссис Джонс стискивает посылку и выжидающе смотрит на меня.

– Она мягкая.

– Это платье, из интернет-магазина.

– Идете в какое-то приятное место, дорогая?

– На девичник к Ханне, мы с ней работаем. Идем в «Пиццу-экспресс».

– Как мило, дорогая. Надеюсь, скоро будет и ваш девичник?

Я криво усмехаюсь:

– Сначала надо дождаться, пока он сделает мне предложение.

– Такой прелестной молодой девушке? Велю вашему молодому человеку поторапливаться, а? Пока кто-нибудь другой вас не увел.

Я улыбаюсь пожилой даме, которую так полюбила.

– А как ему сейчас, лучше? – продолжает она.

– Кому?

– Дэну. Я видела, как он уходил на работу в понедельник, а потом вернулся, примерно через час. Я подумала, что он, должно быть, заболел. Обычно ваши выходные совпадают. Он переоделся, а затем опять ушел. К врачу, да?

Я медлю в нерешительности. Если я признаю, что не имею понятия о том, что Дэн не был на работе и почему это произошло, ко времени вечернего чая об этом будет знать вся деревня – судя по количеству телефонных звонков, которые делает миссис Джонс, повторяя: «Вы слышали?» и «Вам ни за что не догадаться». Впрочем, в ее поступках нет злонамеренности, просто ей одиноко, как мне кажется.

– Стресс, да? Все вы, молодые люди, похоже, им страдаете. В мое время такого не было. Я слышала, как он кричит на кого-то по этому его беспроводному телефону. Вам следует

делать то, что делает моя внучка.

– Что именно?

– Она расслабляется.

Мой смех звучит натянуто, даже для меня.

– Мы обязательно попробуем.

Я забираю свой сверток и перешагиваю через частокол, разделяющий наши участки. Посылка кажется легкой по сравнению с той тонной вопросов, которые я хочу задать Дэну.

Бледно-голубое цельнокроеное платье сидит на мне превосходно, и я очень довольна: ведь оно стоило так дешево. Я не могу позволить себе отовариваться в дорогих магазинах, а это платье выглядит почти не ношенным. Я разглаживаю ткань на бедрах и поворачиваюсь из стороны в сторону, оглядывая себя в зеркале: живот убрать, грудь вперед. Элла Фицджеральд поет «Тот, кто позаботится обо мне». Миссис Джонс определенно следила за Дэном. Я несколько раз складываю покрашенные розовой помадой губы в счастливую улыбку.

Громко хлопает входная дверь. Звякают ключи, брошенные в чашу на телефонном столике, ударяются о стену сброшенные туфли.

Я нахожу Дэна на кухне – рукава закатаны, галстук ослаблен. Он застыл перед мойкой, уставившись через окно в сад, в руках у него ледяная банка пива, по которой стекают капельки влаги.

– Ты в порядке? Я думала, ты позже отвезешь меня в город?

– Только одну банку. У меня был дерьмовый день.

– Хочешь поговорить об этом? – Я кладу ладонь ему на плечо, чувствую, как напрягаются его мышцы под рубашкой, и он стряхивает мою руку.

– Не о чем тут разговаривать.

– Миссис Джонс говорит, что ты в последнее время выглядишь взвинченным.

– Не болтай обо мне с чертовыми соседями, Грейс. – Его пальцы крепче стискивают банку. Она начинает сминаться.

Я напрягаюсь.

– Я и не болтала. Она упомянула, что слышала, как ты кричишь по мобильнику. С кем ты разговаривал?

– С клиентом. Черт! – Дэн с грохотом ставит банку на подставку для суши. Пиво шипит и пенится, выплескиваясь на блестящую поверхность. – Неужели мужчина не может спокойно выпить после работы?

Он вихрем пронесется мимо меня, а я вжимаюсь в холодильник и еще долго стою неподвижно после того, как хлопает входная дверь. Через некоторое время сердце перестает бешено колотиться, и я набираю номер вызова такси.

* * *

Перчики халапеньо на моей одобренной специями мясной пицце обжигают остро, и я опрокидываю в себя охлажденное вино, чтобы погасить пожар. Лин подливает мне в бокал пино-гри, а я снова проверяю мобильник. Сообщений от Дэна нет.

– Не могу поверить, что Чарли хотела найти своего отца. Это так грустно.

– На этой неделе я читала в «Отдохни» историю о матери, которая отдала сына на

усыновление. – Ханна тянется через стол за чесночным хлебом. Ее блестящий рукав задевает пиццу, и я вытираю своей салфеткой приставшие к нему крошки сыра. Забавно видеть ее такой нарядной, а не в привычных легинсах и форменной футболке нашего детсада «Маленькие желуди». – Она провела всю жизнь в ожидании, что он постучит к ней в дверь. Что, если он ждет Чарли, надеется когда-нибудь встретиться с дочерью? Думает, что у него есть внуки?

– Да, я понимаю. Вот поэтому и хочу его разыскать. Рассказать ему правду. – *И выяснить правду*, думаю я, но помалкиваю об этом.

– Как ты думаешь, Лекси назвала тебе подлинное имя? – спрашивает Лин.

– Пол Лоусон? Да. Мне показалось, что она почувствовала настоящее облегчение, когда заговорила о нем. У нее нет друзей и родственников. Вероятно, она держала это в себе годами. Хотя, когда я попыталась выяснить, знал ли он о Чарли, она замкнулась.

– Она знает, что ты его разыскиваешь? – спрашивает Ханна.

– Нет. Лекси обижена на него за то, что он сбежал от нее, когда она забеременела. Ей, вероятно, и в голову не пришло, что следует сообщить ему о смерти дочери.

– Я ее не виню. Судя по всему, он тот еще ублюдок, – говорит Лин.

– Мы не выслушали его сторону.

– Ну, так что дальше? Может, он неподкован по части Интернета. Многие из того поколения в нем не разбираются.

– Не уверена. Впрочем, я его найду. Тем или иным способом.

Я делаю знак официанту, размахивая пустой бутылкой.

– Грейс. – Лин накрывает рукой мою руку. – Не бери на себя слишком много. Я о тебе беспокоюсь.

– Не надо обо мне беспокоиться. – Я стряхиваю ее руку и поднимаю бокал.

– И ты много пьешь. Я не знала, что тебе можно, учитывая таблетки. Ты перестала их принимать?

– Почти. – Я не говорю ей об упаковке лекарства, которую ношу в сумочке. О том, как разламываю таблетки на четвертушки и принимаю всякий раз, как жизнь берет меня за горло. Недостаточно для того, чтобы меня усыпить, но достаточно, чтобы создать теплую дымку, от которой я стала так зависима. Я брошу. Действительно брошу. Но только не сейчас. Я меняю тему разговора. – Тост за Ханну, – поднимаю я бокал. – За вечную любовь.

– Другой я себе и представить не могу, – говорит Ханна.

Разговор переключается на свадьбу, и к тому времени, как мы оплачиваем счет и вываливаемся в чернильную тьму, часы уже показывают одиннадцать. После ресторанного тепла от холодного воздуха у меня перехватывает дыхание, и я застегиваю пальто и натягиваю перчатки.

– Пойдем в клуб? – спрашивает Ханна.

– Если этого хочет будущая невеста, – говорит Лин. – В какой?

– Понятия не имею. Где вы там заказывали стриптиз?

– Ты бы нас убила. – Ханна не смотрит ни на кого, кроме Энди.

– Ну что ж, спасибо вам за то, что не заставили меня носить табличку «За рулем новичок» и таскать надувной член. Давайте попробуем сходить в «Сплетни». Они играют музыку восьмидесятых и девяностых.

Мы берем друг друга под руки и бредем по тротуару. Сегодня первый день выплаты жалованья после Рождества, и на улице полно людей: мужчины с модной короткой щетиной

на лицах, девушки, которые на вид слишком молоды для выпивки. Крохотные платья, искусственный загар, обнаженные руки и ноги. Я чувствую себя старой в своей многослойной одежде. Очередь в клуб длинная, и мы притопываем ногами на холоде.

Вышибалы в черных галстуках оценивают нас, прежде чем кивнуть на дверь. Мы платим за вход скучающего вида крашеной блондинке и осторожно спускаемся по темной лестнице. На высоких каблуках нелегко – я к ним не очень привычна. Снизу ритмично грохочет басовая музыка, и лестница содрогается, отчего пальцы на ногах покалывает. Я мигаю, приспособливаясь к слепящей неоновой яркости. Вспыхивает и гаснет вывеска с надписью «Коктейли» на фоне бокала с соломинкой; глянцевые черные столы отражают пульсирующие огни.

– «Секс на пляже»! – хрипло выкрикивает Ханна. Я рада, что до ее свадьбы еще пара недель. Думаю, у всех у нас утром будет похмелье.

Я протискиваюсь к липкой барной стойке и целую вечность жду, пока меня обслужат, несмотря на то что машу двадцатифунтовой банкнотой.

– Что желаете? – Молодой бармен кладет руки на стойку и упирается взглядом мне в глаза. Слишком много пуговиц расстегнуто на его ослепительно-белой рубашке, обнажая загорелую безволосую грудь.

– Три коктейля, пожалуйста. «Секс на пляже». – Я рада, что в клубе темно, потому что чувствую, что краснею.

Пробираюсь сквозь толпу к Лин и Ханне, которые устроились на высоких табуретах возле танцпола. Потягивая напитки, мы двигаем плечами в такт музыке. Коктейли сладкие и приятные на вкус.

– Давайте танцевать. – Ханна, пританцовывая, направляется к диджею.

После трех песен я, запыхавшись, жестом указываю в сторону наших сидений.

– Подожди еще. – Ханна стискивает мое запястье и кричит мне в ухо: – Я обожаю эту песню.

Хрипловатый голос Мадонны приглашает нас позировать. Весь танцпол, повинаясь словам песни, движется в вызывающе-соблазнительной манере, а мое тело застывает. Окружающий шум расплывается. Мне даже не требуется закрывать глаза, чтобы увидеть лицо Чарли. Я почти наяву слышу, как бабушка вопит нам снизу, что мы топаем, как стадо слонов. Это мы оттачиваем танцевальные движения.

Я чувствую прикосновение чьей-то горячей руки к своему плечу. Вижу встревоженное лицо Лин. Напоминаю себе, что мы пришли сюда веселиться, и выдавливаю улыбку.

– Я в туалет, – произношу я, стараясь четко артикулировать, и указываю в сторону задней стены.

Я продираюсь к туалетам и присоединяюсь к очереди чересчур накрашенных девиц в крохотных черных платьях. Протискиваюсь в кабинку и прислоняюсь лбом к прохладной двери. К каблуку прицепилась туалетная бумага, и я стряхиваю ее с помощью другой ноги. Мне хочется пойти домой, но не хочется портить Ханне вечер. Кто-то молотит в мою дверь, крича, чтобы я поторопилась. Проходит некоторое время, прежде чем я чувствую себя готовой появиться. Сую руки под ледяную воду и подкрашиваю губы. Дверь, ведущая обратно в клуб, тяжелая, и когда я ее тяну, кто-то в это время толкает с другой стороны. Мы врезаемся друг в друга, и на мое новое платье выплескивается красное вино.

Жестом отмечаю извинения и возвращаюсь в духоту клуба. Выгляжу я, должно быть, ужасно: голубое платье заляпано темно-красным. Протискиваюсь сквозь толчею, пульс

стучит в такт музыке. Лин и Ханна не видно.

Я расстегиваю сумочку, чтобы достать бумажный платок, надеясь, что смогу как-то промокнуть избыток влаги, но тут замечаю освещенный экран своего мобильного. Это сообщение от Дэна: «Нашелся отец Чарли».

Лин и Ханна не готовы уходить, но я горю от нетерпения поговорить с Дэном и потому прощаюсь, отговариваясь усталостью. Они знают, что я плохо сплю, и замечаю сочувствие в их глазах. Ночной ветерок холодит пылающие щеки. Запах жарящегося лука из фургона с бургерами, жирный и сладостный, наполняет воздух. Нетерпеливо постукивая сумочкой клатч по ноге, я осматриваю улицу в поисках такси. Из клубов еще не расходятся посетители, и такси не видно. Стоянка не так далеко. Я решаю пойти пешком.

Улица пустынна – все празднуют день выдачи зарплаты. Я сворачиваю с главной улицы, и когда мерное биение басовой музыки стихает, слышу за спиной шаги. Останавливаюсь. Вожусь с сумочкой, одновременно бросая взгляд через плечо. Никого не видно, но входы в магазины отбрасывают тени, и я задаюсь вопросом, не скрывается ли там что-то или кто-то. Двигаюсь дальше. Каблуки цокают по тротуару, и вот я снова слышу за спиной этот звук. Стук чужих подошв по бетону.

Я прибавляю ходу. Шаги за мной тоже ускоряются. Алкоголь взбалтывается в желудке, а я прикидываю кратчайший путь назад, на большую улицу. Несусь со всех сил. Дыхание с шумом вырывается изо рта, на губах застыл безмолвный крик. Девиз «дерись или беги» вступил в силу. Я решительно выбрала последнее. Высокие каблуки тормозят меня, и я спрашиваю себя, успею ли их сбросить, – в них достаточно трудно ходить, не говоря уже о том, чтобы бегать, – но шаги приближаются, и я не могу позволить себе остановиться. Кто-то горячо дышит мне в затылок. Что-то касается моего плеча. Я стряхиваю его, вырываюсь за угол и врезаюсь во что-то твердое. Полисмен. Я вцепляюсь ему в руку, плачу от облегчения и оборачиваюсь назад, чтобы указать на преследователя, – но там никого нет.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Mittens – варежки (*англ.*).